

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЕГО СИЯТЕЛЬСТВО
КАСПАР ФРАЙ

Каспар Фрай

Алекс Орлов

Его сиятельство Каспар Фрай

«Автор»

2008

Орлов А.

Его сиятельство Каспар Фрай / А. Орлов — «Автор»,
2008 — (Каспар Фрай)

Отошедший от ратных дел Каспар Фрай процветает в Ливене как купец и промышленник. Новый герцог его не беспокоит, и жизнь движется по накатанной колее, однако король Филипп Рембург повзрослел и желает получить герцогство Ангулемское, а заодно избавиться от порочащих его родственных связей. Фрай и его семейство обречены, но стараниями королевы Анны Астурийской у них появляется шанс не только выжить, но и подняться до уровня дворянского сословия.

Содержание

1	5
2	7
3	11
4	12
5	14
6	17
7	19
8	22
9	25
10	27
11	29
12	32
13	36
14	38
15	41
16	43
17	46
18	48
19	51
20	53
21	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алекс Орлов

Его сиятельство Каспар Фрай

1

Сверкая на солнце начищенными доспехами, вереница всадников спускалась к реке. Лошади спотыкались на крутых уступах, обрушивая с разбитой тропы комья слежавшегося песка. Чтобы лучше видеть, наблюдатель привстал из-за кустов и, прикрываясь рукой от солнца, пытался разобрать, что это за солдаты и кому служат. Но ни знамен, ни щитов с гербами своих хозяев они не носили, это были рейтары – наемные воины. Сегодня они служили одному хозяину, а завтра другому, возможно, врагу их прежнего нанимателя.

– Что ты там видишь, Сибилл? – спросил молодого напарника пожилой наблюдатель.

– Их очень много, дядюшка!

– Считаю лучше, не сбивайся...

– А вы, дядюшка? – спросил Сибилл. Он был слабоват в счете и боялся ошибиться, а цена ошибки – милость герцога Ангулемского. Они с дядей служили на герцогской конюшне и совсем не думали воевать, но, когда припекло, новый комендант замка Ангулем майор Штепплер раздал всей челяди военные поручения. Повара пошли учиться фехтовать и рубить на скаку лозу, келейные холопы стали упражняться с пиками, а конюшенных и вовсе отправили в разведку – высматривать неприятеля.

– Что там, Сибилл?

– Лошади ухоженные, да только кормежка слабовата – должно, на траве сидят...

– Да ты не лошадей смотри, дурень! Солдат считай!

– А сами-то вы, дядюшка?

– Я спиной хвораю... – соврал старший. Он не ждал от этой разведки ничего хорошего и боялся взглянуть на чужих всадников, чтобы не расстроиться еще больше. Сорок с лишним лет он был при лошадях и повидал всякого, но вид вооруженных людей в кирасах наводил на него страх.

Так они и сидели на краю оврага, Сибилл пытался считать всадников, а его дядюшка лежал под кустом и жаловался на несуществующую болезнь, пока позади них вдруг не оказалась пятерка рейтаров.

– Это что за шпионы здесь прячутся?! – закричал десятник, потрясая обнаженным мечом.

– А-а-а-а! – завыл дядюшка и покатился по траве к другому кусту. – Не убивайте, не шпионы мы!

– Мы не шпионы, ваша милость, не убивайте! – вторил ему перепуганный Сибилл.

– А кто же вы, если не шпионы? – наседал десятник, наступая на них конем. Рейтары засиделись на отдыхе, и для разминки имгодились даже эти двое безоружных людей.

– Мы не шпионы, мы... рекрутеры! – нашелся дядя, поднимаясь на ноги.

– Рекрутеры? – недоверчиво переспросил десятник, и лицо его передернуло нервная судорога. – Что-то не похожи вы на рекрутеров...

– Это скорее табачники, чем рекрутеры, – заметил один из рейтаров и сплюнул. «Табачниками» в войсках назывались маркитанты, что торговали беконом, сухарями и ветошью. Продажа спиртного запрещалась под страхом смерти, и маркитанты продавали вместо него жевательный табак и чай.

– Ну раз вы рекрутеры, говорите, чью сторону держите, – решил проверить шпионов десятник. – И какую цену предлагаете.

– Так мы это... – дядя покосился на Сибилла, – при себе-то денег не держим, нам сказали – идите и найдите служилых людей, вот мы тут и залегли.

– А чего ж залегли-то? – Десятник усмехнулся. – Вон и штаны у тебя обмочены.

– Болезнь у меня такая с детства, как напугаюсь, так сразу мочу штаны, – развел руками дядя.

– Д-да, с детства, – подтвердил Сибилл, хотя был моложе дяди лет на тридцать.

– Чью сторону держите, спрашиваю? Или лжете и никакие вы не рекрутеры?

– Рекрутеры, ваша милость, рекрутеры. Нас послал герцог Ангулемский, ему теперь свою страну оборонять надо.

Перейдя реку, со стороны берега стали подъезжать другие рейтары, их набиралось уже не меньше десяти сотен – целое войско!

– Про беды герцога вашего слышали, – сказал десятник и повернулся к скакавшему в их сторону всаднику.

– Вон сотник едет, он и определит, торговаться с вами или головы долой...

Возвышаясь над остальными рейтарами, верхом на рослом мардиганце подъехал широкоплечий рейтар с золотой перевязью через кирасу. Его шлем был украшен мехом горностая, а уздечка на лошади – серебром.

– Что здесь такое, Горбек? – спросил он десятника.

– Посланцы герцога Ангулемского, ваше благородие. Должно, к себе позвать собираются.

– Посланцы герцога? – переспросил сотник и строго взглянул на шпионов из-под косматых бровей.

– Так точно, ваше сиятельство, – заблеял дядя. – Имеем честь предложить в наше войско, так сказать.

– А сколько у вас платить будут? Королю сейчас солдаты тоже нужны, он не поскупится.

– Может, и не поскупится, ваше сиятельство, да только у нашего герцога нужда поважнее, он цену больше даст! – бойко затараторил дядюшка. Спасая жизнь, он стал изобретательнее.

– Уж перекупит так перекупит, ваше сиятельство, это уж как пить дать! – не к месту вмешался Сибилл.

Дядя строго на него зыркнул, но сотник не обиделся. Он сидел, нахмутив брови, и прикидывал свою выгоду.

Война будет неизбежно, это рейтары, как шакалы поживу, за сто миль чуяли. У короля солдат много, куда больше, чем у герцога, а стало быть, герцог предложит больше. Для рейтара важно не продешевить.

– Где ваши лошади? – спросил очнувшийся от дум рейтарский сотник.

– Дык в балке, ваше... – Дядя запнулся, поняв что исчерпал все наивысшие из известных ему титулов. – В балке они, у осинки.

– Хорошо, берите их, мы идем за вами к герцогу. Как называется его замок?

– Ангулем, ваша светлость! Ангулем!

– Мы идем в Ангулем. Горбек, строй весь саул, нам тут ходу менее двух суток, думаю, не прогадаем...

2

Через тридцать часов непрерывной тряски по короткому, выбранному рейтарами пути растянувшаяся колонна наемников выехала на дорогу к замку со стороны бывшей дистанции Маркуса, а ныне – Левкоса, по имени правившего там старшего сына Маркуса.

Еще издали – мили за три – колонну приметил сторожевой разъезд гизгальдцев, которых привез с собой герцог-чужеземец. Они вовремя сообщили об угрозе в замок, и на подходе к ставке герцога Ангулемского Бриана Тугторта дюр Лемуана рейтаров встретили два ошетилившихся пиками каре из двух сотен солдат в каждом. Со стен замка на пришельцев смотрели пять сотен арбалетчиков и лучников, а с башен угрожали восемь заряженных гранитным щебнем метательных машин.

– А хорошо тут все устроено, – заметил ехавший первым сотник Трауб. – Должно быть, они тебя не узнали, а, рекрутер?

– Сейчас все разрешится, ваше сиятельство. – У стен замка старый конюшенный понизил титул сотника с герцогского до графского.

– Стой! – громко скомандовал сотник, вскидывая руку, и колонна рейтаров встала на дороге, однако тащившееся за ними облако пыли продолжило движение, накрывая лошадей и самих рейтаров.

– Поехали, табачник! – усмехнулся Трауб, толкая конюшенного в спину. – Расскажи им, кто ты такой, авось они тебя вспомнят!

– Вспомнят – как не вспомнить? – с готовностью закивал дядюшка и, прищипорив свою лошадку, поехал впереди сотника, стараясь не смотреть в сторону застывших над целями арбалетчиков.

– Хорошие солдаты, – отметил сотник, поглядывая на ошетилившиеся рядами пик каре гвардейцев.

– Так точно, ваше сиятельство, с прежних времен остались, от герцога Фердинанда.

– А стрелки, стало быть, с других краев привезенные? – спросил сотник, кивая на замерших на стене стрелков. Их серые мундиры и широкополые шляпы никак не вязались с серебром и пурпуром гвардейцев.

– Гизгальдцы, принесла их нелегкая, – негромко ответил конюшенный. Его негромкие переговоры с сотником становились все откровеннее.

– Что это за петух ливенский над воротами стоит?

– Майор Штепплер, помощник его светлости по военной части. Всем в замке командует. Конюшенный с сотником подъехали к краю рва и остановились напротив поднятого моста.

– Кто такие? – строго спросил майор из-под опущенного забрала.

– Это я, ваша милость, конюшенный Петелинк! А там, – дядюшка указал в сторону колонны, – племянник мой Сибилл.

– Тебя зачем посылали, Петелинк?

– На дороге смотреть, ваша милость, а заодно и... союзников его светлости высматривать. Вот мы и привели тыщу рейтар, которые хотят встать под знамена нашего герцога, да продлятся годы его правления.

Майор Штепплер немного подумал, потом поднял забрало и ближе подошел к башенным зубцам.

– А ты предводитель рейтар будешь? – спросил он у сотника.

– Да, ваша милость. Меня зовут Трауб.

– Стало быть, вы сейчас без хозяина, Трауб?

– Без хозяина, майор.

– Покажи рукава...

Трауб поднял правую руку, и одновременно с ним подняли правые руки все рейтары в колонне. Опустив правую руку, сотник поднял левую, и снова его жест повторили все рейтары. Это был общепринятый ритуал демонстрации рейтарами своей нейтральности и готовности встать под знамена нанимателей. После заключения договора они подвязывали на рукава ленты с цветами знамени нового хозяина.

– Хорошо! Я спрошу герцога, как нам поступить... – сказал майор и ушел со стены. Потянулись минуты ожидания. Лошади потряхивали уздечками, беспокойно били копытами, на дне рва, в илистой жиже, любопытные лягушки пучили глаза, ожидая, чем же все это кончится.

Переговоры с герцогом были недолгими, вскоре майор вернулся.

– Его светлость готов взять вас под свои знамена, – объявил он. – Какого жалованья требуете?

– По полрилли в день, – сразу поднял цену сотник.

Майор усмехнулся – он был готов к такому поведению рейтаров.

– Мы дадим по четверти рилли на откорме и по полрилли на войне. Десятникам – вдвойне, сотникам – вдесятеро.

– А как платить будете – по вечерам или рано?

– На откорме – по вечерам, на войне – рано.

– Годится! Отворяй ворота!

Войско одобрительно загудело и застучало кулаками в щиты, условия договора им подходили, неизвестно, когда воевать придется, а деньги обещали давать каждый вечер.

Рано, значит, утром предстояло делать выплаты во время военных действий. Это тоже был знак уважения к наемникам, поскольку многие хозяева жадничали, выдавая на войне жалованье по вечерам, чтобы сэкономить за счет павших.

Застрекотали ворота, и тяжелый мост стал опускаться. Гвардейцы в каре переводили дух – сечи не будет.

Мост ударился о край рва, и по нему застучали копытами рейтарские лошади. Герцог стоял у окна внутреннего флигеля и любовался их бравым видом.

– Вот только лошадей им поправить нужно, а так – хоть завтра в бой! Что скажете, де Кримон?

– Что я могу сказать, ваша светлость? – Граф пожал плечами и вздохнул, тяжело опираясь на костыль. – Там их едва одна тысяча наберется, а у короля целых пятьдесят.

– Да где же пятьдесят? Где же пятьдесят? – вскинулся герцог, наступая на де Кримона. – Ты мне это специально поперек говоришь, недаром тебя матушка не любила!

– Как можно, ваша светлость, да я же верой и правдой... – начал кривляться де Кримон, но герцог уже махнул рукой и вернулся к окну – рассматривать рейтаров. Их лошади выглядели измотанными, сказывалось отсутствие в их рационе овса, но за две недели это было легко поправить – овса в закромах хватало.

– Если еще Рейланд из дистанции с десятью тысячами всадников вернется, я из этого Рембурга аншульц сделаю!

– Ей-ей, ваша светлость, отделаете вы молодого короля, чтобы и другим неповадно было, – тут же поддержал герцога де Кримон.

Теперь он ходил, опираясь на костыль, – злодейка-ведьма, что жила недолго в замке, заплела ему ноги за то, что хотел ее опозорить. Уезжая, дала совет сжечь лукошко заговоренное, чтобы хворобу снять, но граф заподозрил ее в обмане и решил вместо огня бросить лукошко в пруд. Хотел разом оклематься, да сделал только хуже – вскипела вода в пруду, а ноги заломило холодной болью. С тех пор уже полтора года мучился, но на поклон к злодейке ехать не решался, надеялся – само пройдет.

– Я так думаю, ваша светлость, мы его стрелками нашими перешибем. Все ж гизгальдцы стреляют отменно, это все знают. Полвойска из арбалетов положим, остальных гвардейцы на пики возьмут – всего и делов-то.

– Вот! Вот и ты поверил в наши силы, де Кримон! – обрадовался герцог.

– Да я всегда верил, ваша светлость, – начал врать де Кримон. – Просто я старался разум ваш, молодой да горячий, почаще охлаживать.

– Эх, если бы еще и резервисты ко мне с охотой шли... – покачал головой герцог, поглощенный своими неурядицами. Вся система обороны герцогства, которую десятилетиями строил герцог Фердинанд и на которую он опирался в спорах с Рембургами, при новом Ангулемском – герцоге Бриане работать отказывалась.

Если ранее послужить в армии герцога Фердинанда считалось за честь и в резервисты записывали только людей достойных, теперь от герцогских вестовых резервисты разбегались и прятались на огородах, пока те стучались в двери. Люди будто чувствовали слабость герцога-чужеземца и не хотели рисковать за него собственной жизнью.

Рейтары с ходу стали на постой, им стали выносить свежую солому, и они умело расстилали ее вдоль главной стены замка. Тут хватило бы места и на десять тысяч. Три тысячи гвардейцев да пять сотен гизгальдских арбалетчиков размещались в крытых казармах.

Остальные солдаты герцога уже были переведены из другого герцогского замка – Ланспас поближе к границе с владениями формального сюзерена герцогства Ангулемского, а на деле – главного противника на протяжении не одного столетия. Рембурги помнили о том времени, когда герцогство было одной из лояльных провинций королевства, а Ангулемские – о своем праве на престол.

– Как ты думаешь, де Кримон, почему мне не помогла Золотая Латка?

Герцог стоял у окна и перебирал на подоконнике старые монеты, что нашел в одном из тайников своего предшественника.

– Ты можешь сесть, я же понимаю, что тебе тяжело стоять.

– Спасибо, ваша светлость.

Старый граф осторожно опустился на краешек кресла. Его болезнь приносила куда меньше страданий, чем он показывал. Де Кримону хотелось выглядеть немощнее, чтобы герцог, сострадая, оказывал ему больше доверия. А доверие это де Кримон надеялся использовать для получения в управление всего герцогства или его части, когда все перейдет под власть короля.

В том, что Филипп Бесстрашный одержит победу в предстоящей войне, де Кримон не сомневался и только ждал подходящего случая, чтобы предать герцога.

– Еще не ясно, помогла вам Золотая Латка или нет. Нельзя исключать, что на самом деле вам грозили куда бóльшие неприятности, чем теперь, ваша светлость.

– Куда уж больше, граф!

– Вы могли погибнуть, тяжело заболеть... Но ничего этого не случилось, вы все так же стройны, крепко держите меч в одной руке и герцогскую державу – в другой. Полагаю, что Золотая Латка все же сыграла свою успокаивающую роль. Я просто уверен в этом.

– Но еще только неделю назад вы уверяли меня, граф, что Золотая Латка не подействовала, а Каспар Фрай – плут и его надобно повесить!

– Я ошибался, ваша светлость, и сейчас, оценив все трезво, думаю, что Фрай не виноват. То есть он, конечно, плут, и жена его... – договорить де Кримон не успел, острая боль пронзила правую ногу, и он охнул, опершись на костыль, а затем торопливо добавил: —... хотя жена его показалась мне женщиной достойной, да. Такая вот бывает разница между супругами...

– С такими советниками, как вы, граф, у меня скоро голова пойдет кругом. Еще этот Рейланд где-то запропастился... Кстати, это вы посоветовали мне назначить его бювардом!

– У вас нет никого лучше, ваша светлость, а я уже немолод.

Герцог в сердцах швырнул монеты об пол, и они запрыгали по паркету, закатываясь под шкафы и бюро. Де Кримон поднялся, в гнев герцог отменял все свои милости и поощрения. С тех пор как он узнал о намерениях Филиппа Рембурга отвоевать герцогство, вспышки гнева случались у него все чаще.

– Эй, есть кто за дверью?! – позвал герцог. Дверь отворилась, и в кабинет шагнул сухопарый гизгальдец в сером мундире и башмаках с пряжками.

– Это я, ваша светлость, ваш камердинер Базеле, – произнес он, низко кланяясь.

– Почему нельзя сказать просто – «это я»? Зачем эта тягомотина?! – закричал герцог, не сдерживаясь.

Базеле тотчас исправился и произнес, не меняя интонации:

– Это я, ваша светлость, – и снова поклонился.

Герцог помолчал, унимая гнев. Ему и самому не нравилось, что он так легко выходит из себя, но положение было ужасным. Страх преследовал его, забирался в туфли и, поднимаясь по ногам, морозил спину. Предстояла война с сильным противником, а у герцога не было ни малейшего опыта боевых действий. Рейланд хотя бы служил офицером у покойного герцога Фердинанда и участвовал в нескольких стычках гвардейцев с пришедшими из-за моря пиратами. Но мог ли он командовать тридцатью тысячами войска, которое намеревался собрать герцог?

– Базеле, скажи, чтобы позвали сотника этих рейтар, я хочу с ним поговорить.

– Слушаюсь, ваша светлость, – ответил тот, церемонно кланяясь. Медленно вышел и притворил за собой дверь.

– Ничто! Никакая угроза не заставит его двигаться быстрее! – воскликнул герцог и ударил кулаком по бюро.

Звякнула крышка чернильницы, четвертинка бумаги слетела на пол и повернулась той стороной, где герцог расписывал перо. Он просто чертил какие-то загогулины, добиваясь ровного росчерка, но теперь эти пробы сложились в какие-то буквы.

– Что это тут?

Герцог присел на корточки, ножны кинжала стукнули об пол.

– Это ведь арамейский, так? Вы говорили, что немного знали его, граф, прочтите...

– Да ведь я ничего не разберу, ваша светлость, здесь темно...

– Где же темно – все видно! Смотри – «аба», потом «эс», потом «легима» и...

– «Троса», – назвал граф последнюю букву в сложившемся слове.

– И что это означает, говорите, граф! – потребовал герцог, дернув де Кримона за камзол, так что тот едва не упал.

– Я не знаток, ваша светлость, кое-что помню с юности, учил когда-то... К тому же эти несколько букв могут вовсе ничего не значить.

– Вы думаете?

Герцог поднялся. Во всем, в каждой мелочи он теперь искал знамения и пророчества.

В дверь постучали.

– Входи, Базеле!

Вошел камердинер, а следом за ним рослый рейтарский сотник. Все внимание герцога переключилось на него, и де Кримон, подхватив трость, попятился к двери. Прежде чем выскользнуть в коридор, он оглянулся на оброненную четвертинку бумаги, где среди росчерков пера герцога сложилось арамейское слово. Оно означало – «безнадежен».

3

Через три дня из дистанцерии прибыл Рейланд и с ним три тысячи всадников от дистандера Левкоса.

– Я же просил десять тысяч! – кричал на бюварда герцог и топал ногами. – Я же просил десять, а не три!

Скандал происходил в герцогском кабинете во флигеле, но окно было открыто, и многие из слуг все слышали.

– Мой герцог, – Рейланд выглядел растерянным и косился на де Кримона, ожидая поддержки, – десяти тысяч дистандер Левкос мне не дал, он сказал, что в его государстве неспокойно и солдаты нужны ему самому для подавления беатрийцев. Я просил...

– Что толку кричать? – произнес Бриан после паузы и вздохнул. Затем подошел к окну, чтобы напитаться уверенностью от вида бравых всадников. Кавалерия Левкоса выглядела недурно, возможно, он действительно не мог дать больше.

Встречаться с командиром трехтысячного отряда дистанцерийцев герцог пока не хотел и велел выдать всем серебра вперед, чтобы чувствовали его заботу.

– Я знаю, где взять поддержку, де Кримон, – сказал он, когда уже смеркалось и в кабинет принесли свечи. – Я обращусь к жителям Ливена.

– Что же вы скажете, ваша светлость, чтобы эта чернь поняла вас?

– Я скажу, что нуждаюсь в их помощи, скажу, что жду от них благодарности за тот порядок, который навожу в городе.

Де Кримон опустил глаза, ему нечего было сказать герцогу.

– Что такое, де Кримон?

Бриан подошел ближе, и графу пришлось поднять голову.

– Разве я мало для них делал? Разве я не велел каждый четверг вешать по три вора?

– Ставить виселицы посреди города... Это не по-ливенски, ваша светлость. Эти люди не гизгальдцы, они не понимают порядок так, как понимаем его мы. Еженедельные наказания на торговой площади вынудили людей перенести торговлю за город, и теперь основное торжище происходит у южных ворот.

– И все же я обращусь к ним. Если мои слова пробудят совесть хотя бы у пяти тысяч человек, это будет весомая поддержка для моей армии.

Де Кримон сдержал вздох, герцог был весь во власти своих мальчишеских мечтаний. Если появится хотя бы сотня добровольцев, это уже можно будет считать большой удачей.

– Ваша светлость, я предлагаю поберечь ваше красноречие и попросту согнать эту чернь в кучу и отобрать нужное нам количество людей. Это будет проще и надежнее.

– Я думал об этом, – признался герцог, – но сейчас нам это не подходит.

– Почему?

– Если бы битва происходила под стенами Ливена, тогда да, мы бы так и поступили, но нам придется двое, а то и трое суток идти к границам – они разбегутся.

– Мы можем связать их, ваша светлость, заковать в кандалы, а потом поставим в первых рядах, не снимая цепей – королевские кавалеристы и не разглядят сразу. Пока они станут рубить ливенцев, мы...

– ...можем провести фланговый маневр, – закончил герцог, покусывая перстень на указательном пальце.

Де Кримон спохватился – уж не дал ли он герцогу слишком хороший совет? Но потом успокоился: если его светлость пойдет на эту авантюру и добьется небольшого успеха, услуга, которую де Кримон собирался оказать Филиппу Бесстрашному, покажется тому еще значительнее.

4

Уже на другой день с самого утра глашатаи отправились на Рыночную площадь, где давно не велось торговли, и принялись бить в барабаны, созывая людей для встречи с герцогом. Стражники бегали по улицам и тоже скликали горожан, люди осторожно выглядывали из окон, не зная, чего ожидать от этого представления.

Никто из них ни разу не видел нового герцога, который не в пример прежнему – Фердинанду – предпочитал в Ливене не показываться.

Стражники покричали и ушли, больше не навязывая своей воли, и горожане из любопытства потянулись на Рыночную площадь, на ходу обсуждая возможные причины сбора.

– Сказывают, на реке чудо случилось, вода столбом встала! – говорила какая-то женщина, кутаясь в побитую молью шаль.

– И чего с ней? – спросили у нее.

– Дык ничего! Встала и стоит! Вот и зовет нас херцок, чтобы ему помогли воду снова по реке пустить.

– Врешь, баба! – погрозил ей кулаком нетрезвый с ночи лодочник. – Я только с реки – течет она и никаким столбом не стоит!

– А можа снова кого вешать будут? – будничным тоном поинтересовалась кухарка бургомистра.

– Да кого теперь этим удивишь-то? – отмахнулась баба в шали. – Каждую неделю вешают, а у меня третьего дня кошку украли с котятками.

– И что?

– И нету. Везде искала – прямо с лукошком утащили.

– Это к засухе! – объявил лодочник.

– Почему к засухе? – переспросили его.

– Было уже такое – какой-то год у всех кошки пропадали, а потом засуха наступила и зима со снегом – все озерные упыри и передохли.

– Да, я это помню, – согласился с ним каретный мастер, известный также и тем, что добавлял в пиво березовый деготь – для крепости. – Тому минуло уже лет десять или более. Исчезли водяные все как один.

– А с кошками-то что? – не унималась баба в дырявой шали.

– А вот про кошек не помню, я тогда еще малой был.

Народу на площади собиралось все больше, но те, кто ожидал внеочередной казни, ошиблись. Виселица оказалась снята и уложена вдоль стен ратуши, остался только помост, на котором был расстелен ковер и стояли двое стражников с начищенными по такому случаю кирасами и шлемами.

Глашатаи уже ушли, поэтому все пребывали в неведении – что же тут будет. Примерно через четверть часа показалось около полусотни иноземных солдат герцога верхом на лошадках невиданной здесь имуксенской породы, за ними ехали два десятка гвардейцев.

Солдаты в шляпах и серых мундирах оказались арбалетчиками. Четверо из них заняли позиции на помосте, остальные разбежались по окрестным домам и вскоре появились у раскрытых окон и на скатах крыш.

Наблюдая эти странные приготовления, толпа начала роптать. Гвардейцы выстроились перед помостом и стали теснить людей, приговаривая:

– Подайся назад! Назад подайся, морда!

Оттеснив толпу на несколько шагов, они остались в оцеплении, люди робко переговаривались, но с площади никто не уходил – наоборот, любопытные все прибывали.

Вскоре послышался стук копыт и грохот железных ободьев, стражники бросились разгонять стоявших на Цветочной улице зевак, но те и сами стали прижиматься к стенам, давая дорогу карете герцога и его свите.

Заметно было, что и здесь молодой герцог отдал предпочтение гизгальдским солдатам, карету окружали всадники в серых мундирах и широкополых шляпах, а гвардейцы оставались только для вида – как носители герба герцогов Ангулемских.

– Ура герцогу! Ура герцогу! – первым закричал бургомистр, стоя у порожка висельного помоста. Сдернув шляпу, он махнул ею и зацепил пуговкой свой новый парик. Тот слетел на мостовую, явив горожанам голую, как деревянная бита, голову главы города. В толпе засмеялись, бургомистр торопливо поднял парик и скрылся за спинами советников, чтобы привести себя в порядок.

Карета остановилась, и герцог Бриан сбежал по ступеням на мостовую. Несколько человек крикнули «ура», их поддержали гвардейцы, стражники и гизгальдцы, однако последние даже это короткое слово ухитрились произносить с акцентом.

Следом за герцогом из кареты неуклюже выбрался де Кримон, он старался не отставать от его светлости и вместе с ним поднялся на помост.

Разговоры стихли, все взоры были прикованы к фигуре герцога, которого здесь видели впервые.

– Что-то не шибко он на Фердинанда похож...

– Ножны-то – чистое золото!

– А кудри – завитые, небось парикмахер постарался.

– У нас на Угольной банщик хорошо стрижет и берет недорого.

– Да тихо вы, его светлость речь говорить будет! – прикрикнул на всех мельник с северной окраины.

– А ты почему знаешь, червяк мучной?

Ответить мельник не успел, герцог раскинул руки, словно собираясь обнять собравшихся на площади, и произнес:

– Милейшие и добрейшие мои подданные, сограждане, земляки! Король Филипп Рембург вознамерился пойти на нас войной, чтобы отобрать наши земли, дома, луга и рощи! Его солдаты станут вас избивать, казнить и уводить в плен, ваших жен обесчестят, детей сделают рабами. Скот изведут на шлизтвиг... – поняв, что применил гизгальдское слово, герцог повернулся за подсказкой к де Кримону, тот лишь пожал плечами, а стоявший неподалеку гвардеец прошипел:

– Холодец, ваша светлость...

– Да, ваш скот изведут на холодец и вкусный бульон с картошкой и перцами. Э-э... перцем, кажется.

Герцог сделал паузу, прикидывая, достаточно ли ужасов оккупации он описал, и, решив, что достаточно, выхватил из ножен узкий дуэльный меч и крикнул:

– Отстоим же родной Фатерланд! Соединимся в едином порыве, герцог Ангулемский и его доблестные подданные – рыцари, не ведающие поражения! Записывайтесь в войско, отбросим короля Филиппа к Студеному океану! Ура!

– Ура! Ура! – уже бодрее закричали горожане, кое-где в небо взлетели шляпы, а где-то подброшенный в запале костыль.

– Подходите, записывайтесь в гвардию герцога Ангулемского! – закричал рослый сержант, потрясая чистым листом бумаги.

Тем временем герцог вернулся в карету, следом шмыгнул хромой де Кримон, возница щелкнул бичом, и экипаж понесся прочь, а за ним и длинный эскорт солдат в шляпах и шлемах с плюмажем.

5

Каспар и его сын – двадцатилетний Хуберт шли к южным воротам города, за которыми у семейства Фрая было собственное «королевство»: две красильные фабрики, одна прядильная, два чесальных сарая и большая мастерская швейных работниц. Помимо этого был еще трактир, где работников Фрая, если те не пьянствовали, рассчитывали со скидкой.

– Чего он говорил, батя? – спросил Хуберт, ставший к двадцати годам и выше, и шире отца в плечах. Сказалось и увлечение кузнечным делом, Хуберт выучился ковать не только подковы, но даже железные ворота, кузнецы становились в очередь, чтобы позвать его в помощники.

– Может, тебе кузню поставить, если уж ты к этому делу так прикипел? – спросил его как-то отец.

– Нет, батя, железо меня, конечно, манит, но всю жизнь молотом махать не хочется.

– А чего же тебе хочется делать всю жизнь? – спросил Каспар.

– Не знаю, хочу научиться дома строить, чтобы такие, как ратуша.

– Ты, видать, и сам еще не решил, что тебе ближе?

– Выходит так, – соглашался Хуберт.

Зато у Евы, младшего ребенка в семье Фраев, похоже, все уже было решено. Она могла часами не выходить из тренировочного зала, без устали размахивая учебным мечом. Были и синяки, и ссадины, но Ева ни на что не жаловалась и ступень за ступенью проходила обучение с жестокими рычажными машинами, отвечавшими на каждый удар.

– Пап, научи меня на кулаках драться, – попросила Ева, когда ей минуло тринадцать.

– Да ты и так уже с мечом только что спать не ложишься! – развел тогда руками растерявшийся отец.

– С мечом это одно, а если у меня его выбьют, как тогда обороняться?

– Да где же тебе мечом-то придется махать, доченька?

– Мало ли, что в жизни испытать придется! Покажи, пап.

– Что показать?

– То, что ты Хуберту показывал, как колено выбивать! – с готовностью сообщила Ева. Ее глаза горели от восторга. Тут уже не выдержала Генриетта и закричала с кухни:

– Да что же это за наказание такое? Где это видано, чтобы девица почти на выданье спрашивала отца, как людей калечить?

– А что мне делать, мама, вышивать? – с вызовом спросила Ева, заглядывая на кухню.

– Стряпать бы училась!

– Я уже научилась, сама знаешь.

– Наволочки вышивать для приданого нужно!

– У папы в цехе сорок белошвеек, зачем же мне еще сидеть за полотном?

– А почему ты, как гвардеец, все время в штанах ходишь? – не сдавалась Генриетта, яростно взбивая тесто для пирожков.

– Я не всегда... – Ева поскребла ногтем потертые кожаные штаны. – Я только когда в зале играю, а в остальное время – в сарафане.

Генриетта пыталась напомнить про учебу, но и там была бита, Еве давно наскучило в школе для девочек, и она вытребовала себе привилегию учить цифирь, теоремы и языки – арамейский и ральтийский. И во всех этих предметах она, как и ее брат, преуспевала.

Пришлось Каспару обучать девочку драке, и эти знания она также впитывала с непосредственной детской жадностью. Падала на спину, извивалась ужом, уходя из захвата, училась бить носком сапога и сшибать противника «бараном» – резким ударом головы.

Теперь уже и это было в прошлом, Ева подросла, стала оформляться как миловидная девушка, однако ее увлечение ратными предметами так и не прошло.

На прошлой неделе к ним заходил сын мельника Бурна, что имел водяную мельницу у южных ворот. Родители заранее договорились, чтобы познакомить молодых, сыну мельника было уже семнадцать, а Еве почти пятнадцать, и при состоятельных родителях можно было и жениться.

Когда сын мельника ушел, забрав какую-то пустяшную котомку, что послужила поводом для визита, Генриетта осторожно спросила дочь:

– Ну как тебе парень, дочка?

– Ничего, кудрявый и глаза ласковые, – призналась та и заулыбалась, впервые явив румянец смутившейся девицы.

Каспар и Генриетта обменялись тайными, полными надежд взглядами – неужто дочка исправляется?

Наконец третьего дня молодой Бурн снова пришел, чтобы вместе с Евой пойти посмотреть на вставший на южной дороге балаган. На парне были новые башмаки с ремешками и подковками, такие в городе носили только люди состоятельные. Его куртка имела стеганую подкладку на шелку, а лацканы были украшены расшитыми серебром узорами. Наряд венчала войлочная шляпа с кожаной оплеткой полей, осаженная не на горшке, как делали простолюдины, а на специальной колодке в шляпной мастерской.

Чтобы не ударить лицом в грязь, Фрай раздели дочь под стать кавалеру. Еве это не слишком нравилось, она предпочитала одежду попроще, но в этот раз ей пришлось уступить матери, нарядившись в три исподние и одну верхнюю юбку, вышитый бисером темно-синий апорник с широкими рукавами на серебряных застежках и шелковую блузку с двойной подстежкой, чтобы прилично было.

Под конец сборов Ева уже жалела, что решилась на парадный выход, и со страдальческим лицом терпела укладку косы под жесткую женскую шляпу, крепившуюся к косе колючими шпильками.

Брат навязанный ей новенький туесок она отказалась, заявив, что он слишком мал.

– Да куда же тебе больше, чего в него класть? Ведь это только для порядка, нельзя девушке в шляпе и без туеска, некрасиво это, – разъясняла мать, но Ева стояла на своем и вышла к молодому мельнику с туеском матери, он был вдвое больше нового.

Пауль был в восторге от вида Евы и теперь совершенно точно утвердился в мысли, что она красавица. Сняв шляпу и помахав приветственно родителям Евы, он чинно поставил свой локоть, и пара пошла вдоль улицы.

– Не бойся, тебя со мной никто не тронет, – сказал Пауль.

– А кого бояться-то? – улыбнулась Ева.

– Воров, вот кого. Их у балагана как мух в свинарнике, того и гляди обчистят. Во, смотри, чего припас...

И он достал из кармана фунтовую гирию с привязанным к ней куском бечевки.

– Как врежу, небось не понравится.

– Это разве кистень? – усмехнулась Ева. – Вот оружие – получше твоего.

С этими словами они открыла материн туесок и достала из него тяжелую боевую перчатку из кольчужных колец.

– Это чего? – удивился Пауль.

– Перчатка.

Ева надела перчатку на руку.

– И чего с ней делают?

– Можно в морду заехать, а можно нож выхватить – прямо за жало и ничуть не порежешься.

– Ух ты! Это тебе отец дал?

– Да. У него всяких военных снастей видимо-невидимо.

– Против вора это не годится, – покачал головой Пауль, ему не хотелось в делах обороны выглядеть хуже девчонки.

– Почему?

– Он выхватит кошелёк – и бежать.

– А я его собью вдогонку.

– Как это?

– Смотри!

Ева размахнулась и швырнула перчатку с руки в ворота ближайшего дома. Перчатка тяжело ухнула в дубовые доски, во дворе залаяла собака. Ева быстро подобрала ее, и они с Паулем, взявшись за руки, побежали к Рыночной площади, хохоча и радуясь возможности напраказничать.

Когда они были уже возле южных ворот, Ева указала на проезжавшего мимо всадника и спросила:

– А вот как ты думаешь, можно сшибить рыцаря в латах, если у тебя только оглобля имеется?

Пауль удивился такому вопросу и пожал плечами, он косился на других парней, которые тоже шли к балагану и с интересом посматривали в сторону Евы.

– Можно ткнуть его в железку, он и свалится, – предположил мельник.

– Нет, – покачала головой Ева. – Он оглоблю отобьет, а потом тебя – р-раз, надвое!

– Как это – надвое?

– Мечом. Четыре фута каленой стали, от него и на земле не спрячешься.

– А как же тогда? – опешил Пауль, представив себе эту страшную картину.

– Надо лошадь под «бабки» ударить, ноги осушишь, она и споткнется. Вот тогда и не зевай, – Ева вздохнула, – добивай вовремя.

– Кого?

– Рыцаря, кого же еще? Пока он оглушенный, двигаться будет, как пьяный.

Пауль был очень удивлен такими разговорами Евы, а она не сходила с этой темы все то время, пока они смотрели представление в балагане. Вернувшись домой, он все рассказал родителям, а уж потом мельничиха прибежала к Фраям, чтобы предупредить, что с их дочкой что-то неладно.

После разговора с ней Генриетта расстроилась и долго сидела за столом молча, потом тяжело вздохнула и сказала:

– Не знаю, Каспар, куда мы ее такую замуж пристроим. Только что за вора дорожного, другого она сразу изведет.

6

Нелегкие мысли о детях посещали Каспара все чаще. Раньше он думал, что стоит зажить мирной жизнью, как все наладится само собой, но вот дети подросли, а беспокойства меньше не становилось. Тут и успешные дела не всегда в радость были.

Хуберт, которому исполнилось двадцать, жениться тоже не хотел.

– Да ну их, этих баб, батя, я еще какому другому ремеслу поучиться хочу.

– Так ведь возраст, сынок, – настаивала Генриетта, – станешь старым бобылем, все над тобой смеяться будут.

– Ну и пускай, вон батя на тебе во сколько лет женился?

– Ты на отца не указывай, у него своя судьба была – нелегкая, а ты на всем готовом у нас, и при доме, и при деньгах. Жениться нужно, сынок.

– Не хочу я, лучше батю в красильне помогать буду. Или вон – кузню поставим.

Наконец Каспар и Хуберт пришли к своему трактиру. Все рабочее, позавтракав, уже были на местах, и только трое грузчиков еще потягивали чай. Они начинали рабочий день с рассветом, отгружая товар уходящим в путь купеческим караванам, и теперь, освободившись, получали свой завтрак.

– Доброе утро, хозяйева! – поздоровались они.

– И вам того же, ребята, – ответил Каспар. Он кивнул служителю, что означало – чай с медом. Позавтракать они уже успели, Генриетта не отпустила бы их без каши со сливочным маслом или горячих блинчиков. Пока шли, плотный завтрак немного утрясаясь, и в трактире можно было без спешки выпить чаю и подождать, когда подойдут приказчики.

После отгрузки товара и запуска рабочей смены они собирались в трактире, чтобы обсудить проблемы и согласовать свои действия, поскольку у Каспара Фрая было почти полное производство товара – от шерстяной и льняной пряжи до крашенных тканей и готовых рубашек.

Пришли Луцвель и Певец, они работали у Каспара давно. Был еще Патрик, но тот уволился, женившись в своем родном селе.

– Что у нас с капиолом и висейкой? – спросил Каспар Певца, который был главным в старой красильне.

– Капиольная смола крупчатая пошла, приходится по два раза обваривать – медленно работаем.

– А масла добавляли?

– Добавляли, все равно медленно.

– А много еще этой крупчатой осталось?

– Четыре мешка, за две недели используем, а пока – одно мучение.

– Что с холстами?

Этот вопрос адресовался Луцвелю.

– Та партия, что взяли у купцов с Батина, вся червем взялась, неделю назад перебирал – вроде чисто было, а сейчас опять.

– Сколько там штук?

– Двести пятьдесят три было, сейчас около семидесяти осталось.

– Хуберт, пойдешь с ним, вдвоем проверите все батинские штуки и те, что возле них лежали. Если червь туда переползет, весь товар в труху превратится.

– Хорошо, батя, – кивнул Хуберт, потягивая чай.

Открылась дверь, и появился Рыпа. Щеголяющий ныне в дорогом кафтане и в подбитых медными гвоздями сапогах, он был деятелен, как прежде, и полон всяческих идей.

– Хозяин, масло нынче дорого! – начал он еще от порога, даже не успев поздороваться.

- Да, масло недешево, – пряча улыбку, согласился Каспар.
- Капиrol нам в самую монету обходится, пока смола крупчатая...
- Да уж, – опять кивнул Каспар, ожидая, что на этот раз выдумал Рыпа.

А тот уселся на стул, степенно разгладил усы и бороду, которые отрастил в последний год, и, взяв поданный служителем чай, осторожно потянул губами горячий напиток.

– Ай, ладно! – отмахнулся он, обжегшись в который раз. – Пусть остывает. Так я чего говорю, хозяин, у нас в Ливене четыре пирожочника, все четверо печенье в глине жарят и на ореховом масле – мода пошла такая. Больше двух раз тесто в масле кипятить нельзя, печенье шелухой пахнуть начинает, поэтому масло скармливают свиньям, собакам и домашним работникам. В лампу оно не годится, поскольку коптит, деревянное для этого лучше.

– Ты предлагаешь разводить капиrol ореховым маслом? – усмехнулся Певец.

– Да. Я уж и сторговался – по рилли за четвертную бочку.

– Хорошая цена, – кивнул Каспар. Деревянное масло они брали по двенадцать рилли за бочку. Если бы задумка Рыпы удалась, получилась бы заметная экономия, поскольку в день у них уходило две бочки.

– Для первости я взял в горшке четыре меры, чтобы попробовать, – хватит.

– Молодец, после чая и попробуем.

Каспар вспомнил, как нелегко было Рыпе отвыкнуть от воровской жизни, хотя они со Слизнем и Свинчаткой твердо решили не возвращаться к старому. Через месяц после назначения на должность управляющего складом Рыпа, размазывая слезы, бросился Каспару в ноги:

– Помоги, хозяин, пропадаю!

– А что не так? – удивился Каспар.

– Украсть хочу!

– Чего украсть?

– Холсты! Холсты украсть хочу! Бросить на телегу и увезти!

– А куда увезти хочешь? – спокойно спрашивал Каспар.

– Куда увезти? – Рыпа отер слезы и немного успокоился, соображая, куда же можно деть украденное. – На Лиман повезу, там кровосос товар скупает.

– И хорошо платит?

– Да где там... – Рыпа отмахнулся. – Когда впятеро дешевле, а когда и вдесятеро.

– То есть совсем мало получишь? – уточнил Каспар.

– Совсем мало. Разорение одно.

– Ну так ты сразу не продавай, есть-пить на что у тебя имеется?

– А то как же, хозяин! – повеселел Рыпа. – Восемь рилли каждый месяц получаю, а мне и четырех не проесть. Пить-то я бросил, лишь пиво иногда...

Рыпа вздохнул.

– Ты, если украсть захочется, укради и спрячь у себя в «димпартаменте». У тебя там места достаточно?

– На сто штук хватит, а больше мне не унести.

– Вот и хорошо. Только ты бери товар подороже, пурпур или блурин, а то чего холстянку таскать, с нее много не выгадаешь.

С этими наставлениями Каспар и оставил тогда Рыпу, а когда заходил к нему в «димпартамент», наблюдал, как растет или уменьшается стопка крашенных тканей – это отражало внутреннюю борьбу бывшего вора. Так продолжалось с полгода, потом Рыпа «переболел» воровской болезнью и все вернул на склад.

Каспар к этой теме больше не возвращался, а Рыпа радовал его деловой смекалкой и желанием слиться с командой, стать неотъемлемой частью торговой «шайки».

7

После чая Хуберт отправился на склад Луцвеля, а остальные пошли на вторую красильню, где всем заправляли Рыпа с помощником – расчетчиком. Бывший вор все еще боялся цифири, хотя за три года работы у Каспара Фрая премного в ней преуспел.

По дороге к процессии присоединились Слизень и Свинчатка. Узнав, в чем дело, они отказались от чая, решив посмотреть на «испытания». Одно время эти двое бывших воров носили обычные имена, но клички оказались сильнее, и они снова стали Слизнем и Свинчаткой. Свои к этому давно привыкли, однако приезжие купцы иногда пугались, им по роду деятельности приходилось быть осторожными.

В красильне работа шла вовсю, в котлах варились разноцветные холсты, работники подносили дрова и сливали в реку отходы. Медленно вращались решетчатые барабаны, вытягивая полотно после окрашивания. Потом, для просушки, его раскладывали на стапелях – пурпур, лазурь, леванир и капиrol – все отдельно.

Рыпа приказал развести под одним из чистых котлов огонь, принес заготовленное ореховое масло и стал самолично растирать в нем крупчатую капиrolную смолу.

Смола разводилась хорошо, гранулы таяли в руках Рыпы, однако, несмотря на фильтрацию, в масле, помимо сладковатого запаха ванили, осталась тонкая взвесь горелого теста. Это было заметно даже невооруженным глазом.

– Испортим холст, и все дела, – заметил Певец.

– А я все равно испробую, – упрямо ответил Рыпа, еще энергичнее взбивая краску.

– Может, холст запах заберет? – пошутил Свинчатка. – Будет вроде отдушки.

– Это было бы неплохо, – согласился Каспар.

В своих красильнях они добавляли во время покраски душистые масла, но, когда ткань высыхала, запах уходил. Однако стоило сшитой из этого холста рубашке согреться на теле, приятный запах появлялся вновь.

Приезжие купцы охотно покупали «цветочный холст», поскольку он хорошо расходился на рынках их городов. Конкуренты Фрая пытались повторить эту хитрость, но их ароматы дольше первой стирки не держались.

– Вода в котле уже закипела, мастер Рыпа, – сообщил работник, с любопытством косясь на Фрая. Все знали, что он здесь самый главный хозяин.

– Сейчас запустим... – сказал Рыпа, разминая кусок холста в тазу с разбавленной маслом краской.

– Давай, Рыпа, запускай – дела не ждут! – подгонял, усмехаясь, Луцвель.

– Не дергай! Еще немного, а то комки попадают... –

Наконец жестяной таз был передан работнику, и тот со всей осторожностью вывалил его содержимое в кипящую воду.

Она тотчас окрасилась в исчерна-коричневый цвет, а на поверхности показалась желтоватая пена. Работник взял деревянную болтушку и принялся размешивать варево, для первой окраски требовалось кипятить всего полчаса.

Пока время шло, прибежал со своего склада Луцвель, чтобы узнать, как идут дела. Слизень сходил на чесальню, а Свинчатка навестил свою зазнобу в швейном цеху. От этих отношений у нее год назад уже родился сын и, судя по всему, скоро ожидалось новое пополнение, но Слизень жениться не торопился, предпочитая считать себя холостым. В сыне он души не чаял и собирался вскоре забрать зазнобу с работы, чтобы сидела дома и не полагалась на няньку.

Наконец пришло время вынимать холст после первой проварки. Собрались все, кроме Хуберта, он был человеком размеренным, неспешным, лишь крайние обстоятельства могли превратить его в стремительного бойца.

«Это он в мамашу», – говаривал Каспар.

Холст бросили в корытце, полили кипятком, потом водой с щелочью и, наконец, чистой – из реки.

Рыпа прогнал его через выжимные валы и, встряхнув, показал собравшимся. По всему холсту сквозь темно-песочную окраску проступали светлые желтоватые пятнышки – жженое тесто в ореховом масле сделало свое дело.

– Вот что значит испортить холст, – сказал Певец, не скрывая своего торжества.

Рыпа и сам видел, что опростоволосился. Вдохнул тяжело и, смяв мокрую холстину, собрался уже швырнуть в угол, где лежали тряпки для ежедневной уборки полов.

– Стой! – одновременно крикнули Каспар и Луцвель.

Рыпа замер.

– Ты тоже увидел? – спросил Каспар Луцвеля.

– Вроде на «пшенку» похоже, – ответил тот.

– Вот и я подумал... Ну-ка, разверни еще раз!

Рыпа развернул. Луцвель и Каспар взялись за края, стали мять и встряхивать окрашенный холст.

– Хорошо бы второй слой, – сказал Луцвель. – А то пока непонятно.

– Эй, Ривал! – позвал Каспар работника.

– Слушаю, хозяин! – крикнул тот, выбегая из-за парящего котла.

– Тащи сюда «синьку» и пурпур! Всего по горсти!

– Ага! – кивнул Ривал и помчался в каморку, где хранились краски.

– И леванир захвати! – крикнул ему вслед Луцвель.

Четыре года назад они уже пытались воссоздать привозную ткань, называемую купцами «пшенкой». Она выглядела так, будто была густо обсыпана крашеным пшеном. Пятнышки попадались то яркие, то чуть затуманенные – в несколько слоев, оттого казалось, будто смотришь на ночное небо.

Каспар с Луцвелем сделали сотни проб, использовали самые разные способы, но «пшенку» получить не удалось, хотя красить ткани «в горошек» они научились отменно.

Вскоре все необходимое было доставлено – краски, вода в ведрах, раствор щелока, полдюжины потертых жестяных тазов и куча ветоши – остатков разных экспериментов.

Каспар с Луцвелем сбросили кафтаны, засучили рукава сорочек и стали готовить краски, разводя их ореховым маслом с мелкими крупинками угля.

– Вода гудит, хозяин! – сообщил работник.

– У меня почти готово, – отозвался Каспар, старательно разминая крашенную капиолом ткань в леванировой желтизне.

Вывалив содержимое в кипящую воду, он отошел в сторону, задумчиво вытирая руки ветошью – повторится ли эффект со светлыми точками на этот раз? И снова томительное полу-часовое ожидание и нервное поглядывание на песочные часы.

– Песок весь! – объявил Рыпа.

– Эх, чего же там получилось? – нервничал Свинчатка.

Кусок холста промыли, отжали на валиках. Потом Каспар встряхнул его и показал всем результат – рассыпанные по всему холсту темные пятна капиолола на пожелтевшем фоне.

– Получается, хозяин! – воскликнул Рыпа, и тут его взгляд упал на дюжину любопытных физиономий, следивших за происходящим из-за парящих котлов.

– Ну-ка, работать, ротозей! – пригрозил им кулаком Рыпа, и работники разбежались по местам, однако, помешивая в котлах болтушками, продолжали оглядываться, здесь уже каждый знал, что хозяин снова взялся за приготовление «пшенки».

– Ну что, Луцвель, какую теперь – синь или пурпур? – спросил Каспар. Последовательность нанесения красок была уже нарушена, но для эксперимента это годилось.

- Синь, хозяин, а то она потом пурпур задавит.
 - Согласен. Ну давай, мешай...
- И Каспар отдал холст Луцвелю.

8

Испытания закончились лишь к вечеру, когда принесли огня, а работники уже принялись растирать руки гусиным жиром – он сохранял кожу от высыхания.

Каспар последний раз встряхнул потемневший холст, и при свете двух ламп все убедились – эффект «пшенки» был практически повторен.

– Домой заберу, – сказал Каспар. – Жене похвастаюсь.

– Значит, скупать масло-то? – спросил Рыпа.

– Скупай, – кивнул Каспар, сворачивая холст. – Только без шума, а то коврижники мигом цену вздуют.

– Ну так я с понятием.

– И это еще не все...

Каспар вымыл руки, вытер чистой ветошью и повернулся к замершим свидетелям длительного эксперимента.

– Рыпа получает пять монет золотом за то, что натолкнул нас на это испытание. Все прочие участники – по золотому! Сегодня я добрый!

– Эх, вот бы напиться на весь золотой, я уже полгода сухой хожу! – признался Слизень и тут же добавил: – Но не буду.

– Идем домой, Хуберт, – сказал Каспар, забирая свой кафтан.

– Пойдем, батя.

Вместе с остальными они вышли на воздух, оставив помещение двум рослым сторожам.

– Спокойной ночи, хозяин, – сказали те, кланяясь.

– И вам спокойствия, – ответил Каспар.

Пару раз на его красильни нападали воры, одного сторожа даже зарезали, и тогда Каспар отдал вдове пятьдесят золотых. Даже сам потом удивился, но не пожалел о поступке. В последнее время дела шли все лучше, и золото текло в карман нескончаемым ручейком.

«Куда мне столько?» – иногда удивлялся Каспар. Детей следовало обеспечить, это да, но ведь уже хватало не только на детей, но и на внуков и правнуков.

Как раньше везло Каспару в ратных делах, так теперь везло на стезе торговой.

К приходу Каспара и Хуберта Генриетта, как обычно, приготовила ужин.

– Смотри, дорогая, что у меня есть! – с порога объявил супруг, разворачивая еще сырой холст.

– Чего там смотреть, я отсюда вижу, что кафтан и рубашка испорчены! Каспар, сколько раз тебе говорить – ну накинь старую рубаху, я тебе их в красильню полдюжины перетаскала! Почему Хуберт чистый, а ты будто в мешках с капиолом рылся?

– погоди кричать...

Каспар прошел на кухню, зажег вторую лампу и в обоих выкрутил фитили на больший огонь – стало светло, как днем.

– Смотри!

И он снова развернул холст.

– Ну и что? «Пшенка» это, сразу видно.

– Это не «пшенка», мама, это батя на красильне сам сварил! – гордый за отца, сообщил Хуберт.

– Да ты что?! – не поверила Генриетта, медленно приближаясь к сырому холсту. Будучи женой промышленника, она уже давно вникла во все проблемы производства, а период, когда муж и Луцвель экспериментировали как одержимые, помнила очень хорошо. Каспар каждый вечер приходил с отсутствующим взглядом, в разноцветной одежде.

– Как же это вас угораздило?

– Рыпа помог! Масло предложил экономить и вместо деревянного ореховое, после пряников, в краски лить. А оно с угольками мелкими, вот они-то и дали эту звездную россыпь. – Каспар погладил холст и наконец сел. – Вот такие дела.

– Это ж какие деньги ты теперь в дом понесешь, – покачала головой Генриетта.

– Да что там деньги, красота-то какая – ты посмотри. Если цвета правильно набирать, так и лучше получится. Ты дай нам что-нибудь выпить, отметить нужно.

– Конечно, – согласилась Генриетта, понимая значение события. В других случаях пить вино она Хуберту не позволяла.

«Вот женится – пусть жена решает, а пока все на мне, я ему не позволю», – говорила она.

Только сели за стол и разлили рейнвейн по стеклянным бокалам – появилась Ева.

– Наш герцог на войну созывает, мы пойдем?

Каспар, так и не донеся бокал до рта, поставил его на стол.

– Ты почему в штанах? Где сарафан? – строго спросил он.

– Я только из подвала, сейчас переоденусь. Так мы пойдем на войну или как?

– На какую войну?

Генриетта сделала глоток вина и, отодвинув бокал, закусила засахаренным яблочком.

– Король Филипп Бесстрашный собирает герцогство воевать, и наш город тоже. Мы должны записаться в войско.

– А на кой нам? – осведомился Хуберт.

– Ну пограбят же нас, герцог так и говорил – холодец из всех сварят.

– А ты откуда знаешь, что герцог говорил? – с подозрением спросил Каспар. Они с Хубертом утром миновали сборище, не прислушиваясь, а тут такая осведомленность.

– Ну... – Ева потупила взор. – Я за вами пошла, хотела до красильни дойти, но на площади интересно стало, я и осталась.

– Это, отец, еще не все ее приключения, – сообщила Генриетта, решительно допивая свое вино.

– Мама!

– Не мамкай! – отмахнулась Генриетта. – Старшина городской стражи приходил, жаловался, что она двух его людей покалечила.

– Это как же? – Каспар, пораженный, посмотрел на Еву, но та уже исчезла из дверного проема.

– А в колено она их била! Они, дураки, решили погулять ее пригласить, она сказала – ладно, но гулять пойду с тем, кто меня на мостовую повалит. Вот они и старались – валили ее...

Генриетта опьянела, на ее щеках выступил румянец.

– Как девка гулящая, – добавила она и, шмыгнув носом, промокнула слезы кухонным полотенцем.

– Ну мама! Ну зачем ты так говоришь?! – закричала Ева, возвращаясь, чтобы оправдаться. – Ну какая девка гулящая? Один сказал, что я красивая, другой предложил вечером прогуляться, вот и все. А я сказала... я сказала... давай бороться...

Ева вздохнула. Хуберт прыснул со смеха.

– И что? – спросил Каспар.

– Ну надо же было на ком-то испробовать, я на них и испробовала. Они почти не зашиблись. Только кричали... – Ева снова вздохнула. – Ругали меня очень.

– Пришлось дать старшине два рилли на примочки этим дурачкам, – сообщила Генриетта. – Несчастные. Они же не знали, с кем связываются – думали, девица...

– А оказалось – гвардейский капитан! – добавил Хуберт и снова засмеялся.

– Ничего здесь смешного нет, – заметил ему Каспар. – Ева, на живых людях испытывать удары нельзя, это неправильно.

– Я больше не буду, – с охотой согласилась Ева. – Обещаю.

– Хорошо, мы тебе поверим. А теперь иди спать.

– Я... там...

– Что еще?

– У «Громобоя» замок не закрывается.

– А почему он не закрывается? – строго спросил Каспар. «Громобой» был испытанным арбалетом, прослужившим больше десяти лет, и ломаться в нем было нечему.

– Я хотела выстрелить двумя болтами сразу...

Каспар прикрыл глаза, выдерживая паузу, чтобы не накричать на дочь.

– Зачем ты это сделала? Кому может понадобиться стрелять двумя болтами одновременно? Это же не двулучник, Ева!

– Ладно, я начну убирать со стола, похоже, празднование вашей «пшенки» не задалось, – сказала Генриетта и стала собирать тарелки и столовые приборы, нарочито гремя сверх всякой меры.

– Ну ты же говорил, что иногда болт может не взять кольчугу или кирасу, если попадешь в ненадлежащее место.

– И что?

– А то, что если болта будет два, они скорей сыщут место с изъяном.

– А-а, разумно... – вынужден был согласиться Каспар. – Вот только сила каждого болта упадет вдвое.

– Я это помню, поэтому взяла болты полегче. Ты ведь говорил, что легкий болт возьмет кирасу скорее, чем тяжелый.

– Да, это так.

– Пойду спать, – сказал Хуберт, поднимаясь из-за стола. – Мне солдатские разговоры скучно слушать.

– Я тоже пойду, – сказал Каспар, чтобы закончить тему, которую Генриетта не поощряла. Она все чаще высказывала Каспару претензии, упрекая его в приверженности дочери военному ремеслу. – Спасибо, дорогая, ужин сегодня особенно удался.

– Конечно... – пробурчала Генриетта. – Беги, разбирай свой арбалет, учи девицу людей калечить.

– Да что ты такое говоришь! – возмутился Каспар, но дальше спорить не стал и, махнув рукой, вышел из кухни. Ева тут же увязалась следом, ожидая, что отец спустится в арсенальную.

Так и случилось. Каспар нашел «Громобой», снял скобу и поправил механизм. Вернул арбалет на место и при свете масляной лампы еще раз оглядел свое богатство.

Теперь уже ничто не могло заставить его взяться за оружие. Три года назад он совершил последний поход, к которому его принудил новый герцог Ангулемский, но за последние годы капитал Каспара настолько увеличился, что он мог уехать в любой город «голым» и получить свое золото на новом месте. Приди к нему сейчас посыльные от герцога, он бы послал их подальше и увез семью в безопасное место, не заботясь о доме и домашнем скарбе.

Теперь он не боялся ослабленного герцога и его угроз.

9

Извиваясь между гранитными столбами древних скал, колонна втягивалась в ущелье. Это был едва ли не единственный гористый участок на территории герцогства, дальше снова начинались леса и болотистые луга, тянувшиеся до самой границы с королевскими землями.

Вчера в колонну влились гвардейцы из Ланспаса, и это приободрило герцога. Теперь он при каждой возможности поднимался с приближенными на какую-нибудь возвышенность и любовался силой и многочисленностью своей армии. И если прежде он не доверял гвардейцам, во всем полагаясь на гизгальдских арбалетчиков, то теперь уверовал и в них.

Впряженные четверками ломовые лошадки тянули баллисты и катапульты, следом за ними, на телегах с толстыми осями, везли боезапас для метательных орудий – калиброванные каменные ядра.

Следом за арсенальными телегами, тяжело переваливаясь на неровностях, двигались возы, груженные бочками с солониной, говяжьим жиром, мешками с пшеном и сухарями.

– С такой силой я сокрошу Филиппа! Его войско проделает до границы путь вдвое больший, и они придут уставшими, а мы еще подождем их пару дней. Я прав, бювард?

– Совершенно правы, ваша светлость! – с готовностью подтвердил вчерашний гвардейский майор, а ныне уже бювард. Прежде на этот пост назначались только дворяне из родов, отличившихся в деле защиты герцогства, но герцог Бриан дворянам Фердинанда не верил и держал их от себя на расстоянии. Когда, после смерти дяди, дворянство съехалось, чтобы поклясться в верности новому герцогу, он ограничился лишь тем, что помахал им с помоста и выставил столы с угощением.

– Они могут убить тебя, Бриан! – пугала его тогда матушка-графиня.

– Я бы не решился спуститься к ним, – вторил ей де Кримон, который и сам побаивался этих блистательных, вооруженных парадным оружием людей.

Удивленное дворянство разъехалось по своим замкам, не зная, что и думать. Теперь же из-за этой оплошности он лишился добрых пятнадцати тысяч войска, которое могли выставить его вассалы.

– Когда полагаешь встать на привал, бювард? – спросил герцог.

– Когда будет угодно вашей светлости!

Бриан и де Кримон переглянулись, граф пожал плечами – дескать, не мое дело, а герцог вздохнул. Такая угодливость бюварда ему не нравилась, ведь именно от военачальника он ожидал смелых решений и поддержки, а тут «как будет угодно»...

– И все же я жду указаний от вас, Рейланд, вы назначены управлять армией, вам и принимать решение.

– Как будет угодно вашей светлости! – повторил ничего не понявший Рейланд и, прищипнув коня, поскакал по краю ущелья. За ним следом понеслись два гвардейских сержанта.

Настроение герцога снова упало, теперь для этого бывало достаточно любой малости.

Через два часа войско встало на привал. Для герцога поставили небольшой шатер, открыли корзины со снедью и охлажденными винами. Еду для солдат стали готовить на разведенных кострах, а чтобы кулеш с солониной варился быстрее, пшено использовали заранее прожаренное.

На высотках стояли посты, между холмами, тут и там, сновали разъезды. Гвардейские разведчики сообщили, что видели неприятеля в количестве около сотни, так что теперь предстояло быть наготове, поскольку лазутчики могли попытаться зарезать герцога или подстрелить его из арбалета.

– А что едят солдаты, де Кримон? – спросил его светлость, кушая паштет с пшеничной булкой и листьями салата.

– Кулеш, мой герцог. Это такая каша, – с поклоном ответил граф.

– Каша? Кажется, в детстве я ел кашу, меня кормил ею покойный батюшка.

– Вы не можете этого помнить, ваша светлость, ваш батюшка умер слишком рано.

– Ну и что с того? Тогда меня кормил кашей... кто-нибудь из лакеев. У меня был один презабавный старик, он учил меня играть в шара. Или в шар?

Герцог вытер губы салфеткой, поднялся с раскладного стула и направился к котлу, у которого уже выстраивалась длинная очередь гвардейцев.

– Куда вы, ваша светлость?! – забеспокоился де Кримон и, прихрамывая, поспешил за герцогом. Следом побежали и полдюжины слуг, кто с подносом, кто с полотенцем или шляпой его светлости, чуть поодаль, по обеим сторонам от этой процессии, шествовали гизгальдские арбалетчики из личной охраны герцога.

– Я решил попробовать кулеш, что едят солдаты! – сообщил он.

– Вам не понравится, ваша светлость!

– А вы почему знаете, граф? Пробовали?

– Не пробовал, но... Это солдатская еда, она груба и невкусна.

Заметив приближающегося герцога, у котлов заволновались сержанты, солдатам было приказано построиться.

– Становись! Смир-рно!

Герцог Бриан немного смутился, он хотел подойти незамеченным, чтобы вызвать удивление простых солдат, ведь сам герцог пришел испробовать их кулеш, но эти сержанты все испортили.

От костров поднимался разъедающий глаза дым, герцог, жмурясь, подошел к ближайшему котлу, и кашевар замер с деревянной болтушкой в руках.

– Всем вольно, сержанты, скомандуйте всем отдыхать... – почти попросил герцог.

– Вольно! – рявкнул гвардейский сержант, однако строй оставался неизменным, солдаты не смели жевать сухари и напряженно молчали.

– Сядьте, я просто пришел испробовать вашу похлебку, – попытался объясниться герцог.

– Всем сесть! – скомандовал сержант. Солдаты одновременно сели.

Герцог Бриан взглянул на замершего кашевара, на стекающий по болтушке кулеш, махнул рукой и пошел назад, торопливо поднимаясь в гору. За ним поспешили слуги и телохранители. Де Кримон бросил на сержанта-гвардейца строгий взгляд и, подхватив трость, заковылял за герцогом.

10

Они не одолели и половины склона, когда со стороны небольшой рощи донеслись крики и звон мечей. От балки к холму герцога, расходясь веером, скакали чужие всадники. Их уже преследовали гвардейцы, и скоро завязался бой, но несколько десятков лазутчиков все же ускользнули – на легких лошадях и без кирас, они были проворнее.

– Ваша светлость, сядьте на землю! – почти приказал сержант-гизгальдец, командовавший личной охраной герцога.

Гизгальдцы уже выстраивались в две шеренги, готовя арбалеты, а от котлов бежали гвардейцы.

– Кто это, де Кримон? – спросил герцог, стоя на одном колене под защитой шеренг гизгальдцев.

– Похоже, лазутчики короля! – ответил граф, которому не полагалось прятаться в присутствии герцога.

Лазутчики стремительно приближались – они знали, где искать герцога, и были посланы, чтобы уничтожить его еще до главного сражения.

Хрипя от напряжения, стали подбегать и строиться в полукаре гвардейцы. Они были на голову выше гизгальдцев и вскоре закрыли не только герцога, но и его стрелков. Однако гизгальдцы не думали отсиживаться за спинами гвардии, они быстро перестроились двумя группами на фланги. Еще немного – и в воздухе запели арбалетные болты. Лазутчики были отличными стрелками, волна смертельных посланцев ударила в центр полукаре, отчего несколько гвардейцев с пробитыми кирасами повалились наземь, но их места заняли другие. И снова налет – двулучные арбалеты послали вторую волну зарядов.

Сержант гвардейцев был сбит на землю, один из гизгальдцев схватился за плечо, однако заслон выстоял, и когда лазутчики оказались в тридцати ярдах, гизгальдцы дружным залпом повалили половину атаковавших.

С воем и криками оставшаяся половина отчаянно ударилась в щиты гвардейцев, однако те не сдвинулись ни на шаг.

Лазутчики были обречены, оставив попытки пробиться к герцогу, они попробовали отступить, однако вокруг была гвардейская кавалерия, и в считанные минуты противник был уничтожен.

Герцог поднялся на ноги и оперся на плечо де Кримона, голова у него немного кружилась.

– Пошел вон! – прошипел кому-то граф.

– Что там? – Герцог обернулся и увидел перепуганного солдата-кашевара с новой глиняной плоской и такой же новенькой ложкой на белой холстине.

– Прошу прощения, ваша светлость... кулеш.

– Давай... – кивнул герцог и принял угощение. Он все еще находился под впечатлением внезапной атаки прорвавшегося врага, поэтому, почти не осознавая, что делает, стал быстро, ложка за ложкой поедать кашу.

За пару минут съев кулеш, он вернул солдату посуду и пошел прочь, не замечая суеты вокруг.

К герцогу подбежал бювард Рейланд, он только что соскочил с лошади, бросив поводья ординарцу. На кирасе бюварда было несколько свежих рубцов, лицо горело, волосы были всклокочены, а шлем он держал в руках.

– Ваша светлость, готов понести любое наказание!

– О чем вы?

Герцог огляделся, только сейчас заметив, как солдаты оказывают помощь раненым, снимают с убитых амуницию и ловят трофейных лошадей.

– Не уследил! По балке прошли, мерзавцы, а кусты заранее вырубili – чтобы на лошадях!

– Все в порядке, Рейланд. Меня прикрыли ваши солдаты, так что наказывать вас не за что.

– Да, ваша светлость... – пробормотал бювард, все еще не веря, что прощен.

Отойдя на несколько шагов, герцог неожиданно обернулся:

– Когда планируете встать на марш?

– Немедленно, ваша светлость!

– Нет, пусть солдаты пообедают. Кстати, каша мне очень понравилась. Грубовато, конечно, но сытно.

– Какая каша? О чем он? – пожал плечами бювард, провожая герцога недоуменным взглядом. Он надел шлем, взял у ординарца поводья и, запрыгнув в седло, поскакал проверять посты. Враг был коварен, требовалось сохранять бдительность.

11

Ломая кусты с молодой листвой и сбивая с елок хвою, вдоль дороги двигались разъезды, то погружаясь в лес и спугивая зверей, то выбираясь на обочины в поисках следов людей. За ними по самой дороге двигался авангард короля Филиппа – кавалерийская сотня в зеленых мундирах. Мардиганцы взбивали копытами песок, звенела упряжь, обшитые тканью доспехи выглядели неброско, но были кованы из салмейской стали, секрет которой был привезен когда-то из дистанцерии Маркуса.

Неожиданно на дороге перед авангардом выскочили всадники из разъезда и с оружием наголо помчались навстречу не ко времени появившимся путешественникам.

Впрочем, все тут же разъяснилось, это были свои – двое оставшихся от сотни лазутчиков.

Гвардейский сержант из авангарда подоспел следом и осадил мардиганца возле дрожащего ганнцина – легкой лошадки лазутчиков и прочих курьеров.

– Что с ними? – спросил он разъездных.

– Один уже помер, ваша милость, – кавалерист указал на обвисшее в седле окровавленное тело лазутчика. – Второй – жив.

– Жив я, жив, доставьте меня к королю, – потребовал второй лазутчик, зажимая рану на плече.

– Может, забинтовать руку-то? – предложил сержант, видя, что лазутчик близок к обмороку.

– Ничего, сдюжу, сначала – к королю!

Однако предплечье ему все же перевязали, пропитав бинт перегонным вином и дав отпить пару глотков. С непривычки лазутчик закашлялся, но сержант засмеялся и хлопнул его по спине тяжелой рукой:

– Зато теперь точно не окочуришься!

Для сопровождения раненого сержант отрядил из авангарда троих гвардейцев, и они понеслись навстречу армии короля, придерживая лазутчика, чтобы тот по слабости не сверзся с лошади и не убили.

Через полторы мили они выехали к небольшой речке, через которую как раз переправлялась армия.

Филипп и его друг детства граф де Шермон наблюдали за тем, как пехотинцы помогают лошадям вытаскивать на берег возы, в то время как кавалеристы перетягивали намокшие подпруги.

Король спешил скорее пройти до границы, чтобы не дать герцогу Ангулемскому времени на подготовку. О том, что Ангулемский уже знает о его намерении, Филиппу было известно, однако известно ему было и то, что армия герцога долго находилась без движения и маневров.

Теперь следовало перехватить «холодную» армию Ангулемского как можно раньше, это гарантировало не только победу, но и минимальные потери. За время долгой борьбы за трон Филиппу Бесстрашному пришлось пережить с десятков больших и малых сражений, поэтому в свои неполные двадцать лет он располагал немалым опытом.

– Как думаешь, мы успеем пересечь границу? – спросил он де Шермона.

– Полагаю, это не главное, ваше величество. Нам важно прийти со свежими силами, а если и задержимся – невелика беда, Ангулемскому это уже все равно не поможет.

– А вы, генерал Бьорн, тоже так думаете? – спросил Филипп.

– Пока мы идем хорошо, ваше величество, скоро и без надрыва. Если кони уставать начнут или пехота станет носом клевать – дадим им отдохнуть.

– Да что же они не смотрят! – воскликнул король, указывая на соскользнувшее с тележной оси колесо. Воз завалился набок, в воду полетела поклажа, а возница с перепуга принялся хлестать лошадь.

Выручили пехотинцы, они достали колесо, вытолкали охромевшую телегу, и переправа возобновилась.

– А вот и королева! – воскликнул генерал Бьорн, завидев карету с королевскими гербами. Он скинул шлем и принялся салютовать мечом, его примеру последовали находившиеся рядом офицеры.

Филипп вздохнул. Ему не нравилось, что его мать, несмотря на возраст, остается не только предметом почитания подданных, но и подчеркнутого внимания и обожания всех мужчин-придворных.

Король не хотел, чтобы королева-мать отправлялась с ним в поход, но она настояла – Анна Астурийская умела говорить убедительно. И вот она здесь, в дорожной карете с тремя фрейлинами, а еще с двенадцатью служанками, четырьмя пажам, тремя лакеями и шестью возами «с самым необходимым».

– Королева! Королева! – пронеслось по рядам промокших пехотинцев, и они стали торопливо сметать с себя грязь и тину – ну как ее величество выглянет из окна, а они в таком непотребном виде. Нехорошо.

Наемники-рейтары, хоть и не являлись подданными Рембургов, отсалютовали мечами карете Анны Астурийской, а их сотник ухитрился поднять на дыбы уставшую лошадь, лишь бы как-то выделиться.

Филипп покосился на де Шермона, тот не сводил взгляда с занавески, надеясь увидеть королеву, если она выглянет поприветствовать сына.

– Ну уж ты-то, мой друг... – осуждающе произнес Филипп.

– Что, ваше величество?

Пойманный врасплох, де Шермон принялся разбирать лошади гриву.

– Ей уже пятьдесят лет, – еще тише добавил Филипп. – Я могу понять генерала Бьорна, у него никого нет и он в возрасте, но ведь ты молод, красив, у тебя прекрасное положение при дворе – ты лучший друг короля, де Шермон! Любая женщина упадет тебе в объятия.

– Мне не нужна любая... Ну то есть иногда они начинают надоедать. Вы же знаете, как прилипчивы эти графинечки с северо-востока, ваше величество.

– Да уж знаю, – улыбнулся Филипп. На северо-востоке королевства земельные владения дворянства были небольшими, и дочери тамошних хозяев пускались на любые ухищрения, лишь бы попасть во дворец и найти себе богатого и влиятельного содержателя.

– Ваше величество, смотрите – гвардейцы из авангарда! – указал на всадников один из майор-баронов.

Гвардейцы спускались к реке, поддерживая лазутчика, которого от скачки сильно растрясло.

– Что такое, кто это? – строго спросил Филипп, выезжая навстречу.

– На дороге подобрал, ваше величество! – прокричал гвардеец, вытирая перчаткой пот. Несмотря на начало весны, погода стояла летняя.

– Как подобрал? Ты кто?

Второй гвардеец открыл флягу и щедро полил голову раненого водой. Тот встряхнулся, словно собака, обдавая брызгами и короля, и де Шермона, но никто не стал обижаться, видно было, что дело нешуточное.

– Ваше величество! Не смогли мы пробиться – один я вырвался, остальных ангулемские порубили.

– Так ты лазутчик? – начал понимать король. Уходившая на задание сотня состояла сплошь из добровольцев, отличных стрелков и крепких рубак, на которых он опирался в войне за трон, а этот – последний, был бледен и едва держался в седле, его рукав был окровавлен.

– Лазутчик, ваше величество, из сотни Рудгера.

– Почему не получилось – расскажи!

– Поначалу все было хорошо, мы и просеку в балке вырубili, чтобы пролететь как по тракту... Так и пролетели мимо заслонов... Шатер издали было видно, и десяток гвардейцев, что пытались нас задержать, мы легко смяли. Потом за нас полусотня «зацепилась», да так терзать стали, что Рудгер крикнул, чтобы все, кто мог, к шатру скакали. Вот и прорвались десятка четыре... я-то еще раньше упал, но все видел. Наши из арбалетов ударили, но герцога гвардейцы пешие закрыли и эти, в шляпах...

– Гизгальдцы, – подсказал генерал Бьорн.

– Так точно! Многие ранеными попадали, но устояли и удар наших трех дюжин приняли. Как в стену, ваше величество... гвардейцы с пиками – в каре, не подступиться. Тут уже и конные в тыл ударили, и дело кончено было... Я подхватился да на попавшуюся лошадь прыгнул, со мной еще один ушел, по той же балке проскочили, но он на дорогу уже мертвый выехал.

– Генерал, распорядитесь, чтобы его в обоз отправили, к костоправам.

– Разумеется, ваше величество.

Король выбрался из седла и оставил лошадь конюшенному, де Шермон последовал его примеру.

– Жаль сотню, – признался Филипп. – Люди были – один к одному, проворные.

– Гвардейцы Ангулемского оказались проворнее.

– То-то и оно. – Король вздохнул, поправил ножны с тяжелым боевым мечом. – А вот с графом Паристо вышло, и с братьями фон Кордерами.

– Не всегда такое удастся, – успокаивающим тоном произнес де Шермон и покосился на карету королевы. Она остановилась шагах в пятидесяти, и подбежавший к окну лакей выслушивал какие-то распоряжения королевы.

– Мы разобьем его в открытом бою, ваше величество, у нас превосходство в силе.

– В этом я не сомневаюсь. Мои мысли уже далеко, за границами герцогства.

– Придет время, доберемся и далее, – согласился де Шермон. – Может, и к дистанции руки протянем.

– Меня больше влечет юг, – признался Филипп. – А столицу я думаю перенести в Ливен.

– Вы ведь грозились сжечь его, ваше величество, – усмехнулся де Шермон.

– Сжечь – это пустое. Ливен крупный и богатый город, хорошая опора для броски на юг... Хотя, будь у меня два Ливена, один бы я точно сжег.

Король резко обернулся и заметил, что де Шермон смотрит в сторону кареты королевы.

– Это невозможно, де Шермон! Ты поставил целью всерьез рассердить меня?

– Нет, ваше величество, вы же знаете, как я ценю ваше расположение, – с улыбкой ответил королевский приятель и низко поклонился.

– Ах, мерзавец, – покачал головой тот и направился к лошадям. Армии следовало продолжать движение.

12

На восьмой день похода армия короля Филиппа прибыла к месту генерального сражения, его выбрала противная сторона. Войска герцога Ангулемского расположились вдоль прикрывавшей их тыл цепочки холмов, на которых стояли изготовившиеся к стрельбе метательные орудия.

До самого вечера Филипп вместе с генералом Бьорном и де Шермоном осматривали свои позиции – они были менее выгодны, нежели у противника, однако численное преимущество армии Филиппа было таким, что даже наличие у Ангулемского метательных орудий его не уравнивало.

Оставив на позициях усиленные посты и лично проверив заготовленные для сигнальных костров дрова и деготь, король вернулся в лагерь и навестил королеву в ее шатре.

– Как вы устроились, ваше величество? – спросил он, входя в покои матери.

– Замечательно, ваше величество, – ответила та, поднявшись с обтянутого парчой диванчика. – Что Ангулемский, много у него солдат?

– Мы превосходим его почти вдвое.

– У герцога всегда была хорошая гвардия, благодаря ей он держал Рембургов на расстоянии. Правда, налог платил исправно.

– Слишком малый, ваше величество...

Филипп прошелся по шатру, вдыхая запахи королевского будуара. Перед каждым важным событием ему было необходимо повидаться с матерью и напитаться ее силой и уверенностью. Все то время, что длилась кровавая схватка за престол, королева всегда была рядом, она знала, что необходима сыну, пусть уже ставшему взрослым и водившему войска на мятежников.

В этой борьбе Анна Астурийская поставила на карту все, если бы Филипп погиб, ее бы никто не пощадил, даже те, кто признавался ей когда-то в любви и получал в награду мимолетное свидание.

– Кто у них в составе?

– В основе – кавалерия, составленная еще герцогом Фердинандом. Гизгальдские стрелки, рейтары, тысячи три кавалеристов из дистанции.

– Дистандер мог дать больше, – заметила королева.

– Но, к счастью для нас, не дал. Видимо, не уверен в успехе Ангулемского.

– Ополчения нет?

– Нет.

– Значит, и собственные подданные герцогу не верят. Я вот о чем хочу попросить вас, сын мой, – поставьте напротив рейтар Ангулемского своих рейтар.

– Зачем, ваше величество? Его рейтар мы будем сминать тяжелой конницей.

– Ни к чему их сминать, поставьте рейтар напротив рейтар, и они быстро договорятся. Наемники не ищут славы, им нужны деньги. Зная, что Ангулемскому нас не одолеть, они постараются избежать сражения. Думаю, еще до утра рейтары Ангулемского пришлют парламентаря.

– Я... обсужу это с генералом Бьорном.

– Обсудите, ваше величество... И еще – так ли уже необходимо ваше присутствие в первых рядах во время завтрашнего сражения?

– Я – король, мой долг повести за собой войска.

– Это может сделать и военачальник. Генерал Бьорн хорошо держится в седле, командиры полков также полны решимости выиграть битву, зачем же рисковать всем, когда до триумфа вашего величества осталось совсем немного?

Король подошел к матери, взял ее руки в свои и поднес к губам.

– Обещаю не становиться впереди рядов без крайней необходимости, ваше величество. Моего обещания достаточно?

– Достаточно, сын мой. Но я хотела бы дать пару наставлений вашему приятелю – графу де Шермону.

Филипп изменился в лице. Впрочем, Анна Астурийская давно привыкла к такому поведению сына. Он с детства вел себя как собственник и не терпел, когда возле нее появлялись мужчины. Филипп почти мечтал, чтобы мать скорее состарилась и уже никому, кроме него, не дарила своего внимания. Но время щадило королеву, в мужском охотничьем костюме она выглядела очень молодо.

– Я должна поговорить с ним, ваше величество, что бы вы об этом ни думали.

– Извольте, ваше величество, разговаривайте с кем хотите! – взмахнул руками Филипп. – А мне пора наведаться в лагерь. И не задерживайте графа, он мне нужен!

С этими словами Филипп покинул шатер матери. Она выждала пару минут и вышла следом.

Было уже темно, неподалеку горел костер, и свет от него дотягивался до небольшого пятка молодой зеленой травы. Де Шермон стоял словно тень, не решаясь первым сделать шаг навстречу королеве. Его лошадь, вырывая поводья, пыталась дотянуться до травы.

– Оставьте ее, граф, и пойдите ко мне, – сказала Анна.

Де Шермон отпустил поводья, и лошадь, позвякивая удилами, стала щипать траву.

– Я попросила вас подойти, граф, – уже настойчивее произнесла королева.

Де Шермон подошел.

– Почему вы стоите, когда я прошу вас подойти, вы что, плохо слышите?

На воздухе было свежо, Анна Астурийская поежилась.

– Простите мне мою неповоротливость, ваше величество, я... любовался вами. А в этом охотничьем костюме...

– ...я выгляжу моложе своих лет, – закончила за него королева. – Благодарю за сомнительный комплимент, но я хочу поговорить с вами не об этом.

– Я вовсе не это хотел сказать, ваше величество, – обиделся де Шермон, – впрочем, вы вправе думать обо мне что хотите.

– Довольно обид, граф. – Королева огляделась, ей бы не хотелось, чтобы кто-то стал свидетелем этой глупой пикировки. Влюбленный мальчишка и немолодая королева в охотничьем костюме. И зачем она надела его?

– Я хотела поговорить о завтрашнем сражении, о том, какое место в нем отведено королю.

– Я буду рядом с ним, ваше величество, – горячо заверил де Шермон и шагнул вперед, приложив к кирасе ладонь. – Если что-то пойдет не так, мы умрем вместе!

– Не нужно умирать, граф, ни вместе, ни поодиночке!

Анна взяла де Шермона под руку и повела в сторону костра.

– Я очень много сил отдала тому, чтобы на троне оказался законный король, но если с ним что-то случится, все разбежавшиеся враги – те, кому удалось уцелеть, – вернутся, и тогда снова начнется война.

– Я буду с королем, ваше величество, и обещаю, что стану удерживать его от необдуманных поступков.

– Именно это я и ожидала от вас услышать, граф. Благодарю за рассудительность и спокойной ночи.

Королева повернулась, чтобы идти к шатру, где у входа ее ждали две служанки, но неожиданно де Шермон схватил ее за руку, не позволяя уйти.

– Ваше величество! Ваше величество, подарите мне что-нибудь на память, завтра битва, возможно, я не вернусь с нее живым!

– Вы обязательно вернетесь, де Шермон, – с нажимом произнесла Анна Астурийская, высвобождая руку. – А, впрочем, – вот.

Она достала из кармашка охотничьей куртки покрытую эмалью табакерку, что завалялась там с незапамятных времен.

– Возьмите, граф, и пусть она будет для вас талисманом. Теперь вы меня отпустите?

– Я вас не держу, ваше величество, я... просто хочу, чтобы вы знали... я – люблю вас.

Королева вздохнула и ровным голосом произнесла:

– Мне лестно это слышать, граф, но я не могу ответить вам взаимностью. Спокойной ночи.

И королева ушла, а де Шермон остался стоять, слыша, как под кирасой стучит его горячее сердце. И как он решился? Как осмелился признаться? Наверное, дело в завтрашней битве, в ожидании столь нелегкого испытания он и стал безрассуднее.

Де Шермон сжал в руке табакерку и, счастливо улыбаясь, поднял с земли поводья. Лошадь тряхнула головой, не желая уходить от зеленой травки, но хозяин был непреклонен и потащил ее в сторону лагерных костров, однако не прошел он и десятка шагов, как кто-то грубо схватил его за плащ.

Еще не повернувшись, де Шермон уже знал, что это король, другому подобный поступок не сошел бы с рук.

– Ну?

– Не «ну», а чего изволите, ваше величество! – прошипел Филипп и снова дернул де Шермона за плащ. Застежка оторвалась, и плащ остался в руках у Филиппа. Он швырнул его на землю, но граф и бровью не повел.

– Чего изволите, ваше величество? – произнес он и низко поклонился.

– Это было мерзко, граф!

– Ты... подслушивал? – поразился де Шермон, распрямляясь.

– Вы забыли добавить «ваше величество», граф. Да, я полюбопытствовал. И то, что я услышал, было о-мер-зи-тель-но! Это просто мода какая-то во дворце – все влюбляются в королеву-мать, но это мерзко. Ей уже пятьдесят лет, де Шермон, а тебе – двадцать!

– Двадцать два.

– Это ничего не меняет. Ты просто ненормален, мой друг. Ненормален!

Де Шермон вздохнул:

– Идемте в лагерь, ваше величество, а то нас тут часовые слышат.

– Нас слышат только наши лошади.

Король нагнулся и поднял плащ де Шермона.

– Возьми.

– Спасибо, Филипп.

– К сожалению, застежку мы не найдем, я куплю тебе новую.

– Я слышал, как она ударилась о дерево... – Граф пошарил в траве рукой и отыскал застежку: – Все в порядке, в шатре я велю ее пришить, и уже завтра она будет на моем плаще.

Успокоившись, они пошли к лагерю, оцепленному частой сетью секретных дозоров, ведь внезапное нападение лазутчиков могло решить исход противостояния короля и герцога. Уж кто-кто, а Филипп об этом прекрасно знал.

Время от времени со стороны позиций герцогских войск доносился непонятный шум: то тяжелые одиночные удары, то дробный перестук.

– Что это? – спросил де Шермон, останавливаясь.

– Это баллисты пристреливают, чтобы завтрашняя победа не досталась нам слишком легко.

– Мы еще никогда не стояли под баллистами. Если не считать замка Олем, но там было лишь две маломощные катапульты.

– У этих баллист длинные мачты, но они долго заряжаются, – сказал король.

Какое-то время они шли молча, каждый думал о своем.

– Я приказал перевести рейтар на правый фланг, – сообщил Филипп.

– Зачем?

– Я подумал, что, если мы поставим их напротив наемников Ангулемского, они между собой договорятся. Они видят наше преимущество в силе и едва ли захотят сложить голову за временного нанимателя.

– Умно придумано, ваше величество, это может сработать.

– М-да, умно, – вздохнул Филипп, он не стал говорить, что сделал это по совету матери.

Вдвоем они обошли все внутренние посты, затем отправились ночевать в свои шатры. На рассвете должна была состояться главная битва. Впервые Филипп располагал такой большой армией, и впервые ему противостояли настоящие реестровые войска, а не сборные отряды мятежников.

13

Сотник толкнул спящего рейтара, тот открыл глаза и, узнав в отблесках костра своего командира, тряхнул головой и поправил шлем.

– Что, ваше благородие, уже в строй?

– Нет, не в строй.

Сотник огляделся, словно их мог подслушать кто-то чужой.

– Напротив нас рейтар поставили.

– Во как!

– Тихо ты!

Сотник снова огляделся.

– Похоже, это питишские, Карла Семина люди.

– Стало быть, с Карлом рубиться будем? – Рейтар широко зевнул, но, поймав на себе сердитый взгляд сотника, тотчас прикрыл рот рукой.

– Дурак ты, зачем нам с рейтарами биться? Серебро при нас, королевских войск вдвое больше – поляжем и весь интерес.

– Поляжем, – согласился рейтар. – И к бабке не ходи.

– Пока темно, ползи вдоль кустов на их сторону, скажи – мы сквозь пройдем, чтобы расступились. На сторону короля вставать нам нельзя, это чистое продавство, а в дезертиры пойти не так страшно.

– В дезертиры – нестрашно, – с готовностью согласился рейтар.

– Ну все, иди, сам не лягу, тебя ждать буду с ответом – что да как.

– Иду немедля, ваше превосходительство, только сапоги переодену...

Спустя несколько минут, миновав свои дозоры, назначенный сотником переговорщик уже крался между невысокими кустами, часто оборачиваясь на костры у своих позиций.

Впритык к рейтарскому полку стояли гизгальдские стрелки, заподозри они что-то, рейтаров могли окружить и вырезать.

Собирая первый урожай, в траве шуршали мыши, они тихо попискивали, переговорщик ощупывал перед собой дорогу, чтобы не наступить на одну из них.

Кусты закончились, и пришлось ползти – хоть и темно, а остерегаться надо. На холме ударило, в воздухе прошелестела каменная шрапнель и зашелкала по земле. Один обломок проскакал совсем рядом, переговорщик повел плечами, таким камнем могло и зашибить.

«Нелегко завтра питишским придется», – усмехнулся переговорщик. Вот и полоса кустов, в них наверняка сидят передовые посты.

– Эй, питиш! – сложив руки раструбом, позвал он.

– Кто там?

– Я с того краю, поговорить пришел...

– А кто таков будешь?

– Брожские мы.

– «У Брожи – красные рожи»?

– Они самые.

– Один?

– Как есть один.

– Ну ползи потихоньку, только смотри, у меня – арбалет...

– Да уж понятно.

Переговорщик переполз в кусты, где его встретили двое рейтар.

– С кем говорить-то хочешь?

– С сотником.

– Ну давай за мной, – сказал один из часовых и, пригибаясь, стал передвигаться от куста к кусту, переговорщик последовал за ним. Второй рейтар благоразумно остался на посту, появление переговорщика могло оказаться уловкой врага.

Там, где кусты были повыше, пошли в полный рост.

– Кто там?

Это был другой пост, уже на подходе к позициям.

– Это я – Скинжаб, со мной перебежчик.

– Перебежчик?

Сопровождавший переговорщика рейтар не ответил, и вскоре они вышли в расположение наемников.

Здесьнее соединение рейтаров было раза в три больше, чем отряд Трауба. Шатер сотника располагался в глубине позиций под защитой трех поставленных связкой телег.

– Чего надо? – спросил телохранитель сотника, преграждая проход за телеги.

– У него дело к сотнику, – сказал часовой.

– Какое дело? Кто он таков?

– Я сотника Трауба посланец, у меня дело к вашему Карлу.

– Он спит и по пустякам будить не велел.

– А чего же, по-твоему, не пустяки-то? – начал кипятиться парламентар.

– А вот попрут среди ночи – это не пустяк, а пока ждите до утра!

– Ах ты, сволочь!

Парламентар схватился было за меч, но не нашел его на прежнем месте, поскольку отправился на переговоры без оружия.

– Чего лаетесь, морды? – прозвучал недовольный голос сотника. Карл Семин вышел босой, в штанах и рубахе.

– Ваше благородие, я хотел им не позволить вас будить, а они – орать... – начал жаловаться телохранитель.

– Ладно, Тесьма, разбудили уже. Кто такие и чего надо?

– Я с той стороны, ваше благородие, послан сотником моим – Траубом.

– Это который Трауб, тот, что из Висля или с Брожи?

– С Брожи, ваше благородие.

– Ну и чего хочет твой сотник Трауб? – Карл Семин широко зевнул. Он знал о причине перестановки его отряда с левого фланга на правый, ему наказали ждать возможного переговорщика, и вот он пришел. Сотника удивила такая прозорливость королевских военачальников, он был о них невысокого мнения.

– Мы хотим скрозь вас пройти, тихо и гладко...

– Вон как! В продавство решили удариться!

– Какое же продавство, ваше благородие, чистое дезертирство!

Карл покачал головой, демонстрируя недоумение, хотя и сам при случае обманывал хозяев. Обмануть нанимателя в деньгах, сбежать с позиций негласный кодекс наемников позволял, но предать и ударить в тыл было невозможно.

– А ну как мы вас пропустим, а вы нас на мечи – тогда как?

– Да как же можно? Ну порежем мы вас, а потом что – в Студеном океане топиться?

Карл Семин кивнул, соглашаясь. Случалось, под знаменами разных хозяев полки наемников секли друг друга до полного истребления, но это была служба, а вот обманывать друг друга наемникам не позволялось. Лишь старые легенды рассказывали о том, как рейтары вставали друг на друга, чтобы судить виновных и восстанавливать порядок.

– Ладно, пропустим вас, невелика работа. Ты скажи, кто рядом с вами стоит?

– Арбалетчики-гизгальдцы. Хорошие стрелки, что с колена, что в рост. И злые – за герцога насмерть биться будут.

14

Рассвет застал войска обеих сторон уже на позициях, они стояли так, будто не уходили с этого места много часов. В рощах ждали своего часа черные вороны.

Изогнулись дуги мачт приготовившихся к стрельбе баллист, их обслуга уже сложила горками каменные ядра и заготовила корзины с щебнем, а теперь смазывала дегтем ворота. Прицельщики стояли на возах, следя за тем, когда противник перейдет невидимую линию, за которой его достанет ядро или каменная шрапнель.

По рядам королевских войск прокатилось оживление – появился Филипп Бесстрашный. Он был в сияющих доспехах, верхом на закрытом кольчугой мардиганце. Следом ехали граф де Шермон, генерал-граф Бьорн и дюжина майор-баронов, командовавших пехотой и кавалерией.

Ротные офицеры закричали: «Ура королю!», клич подхватили все пятьдесят тысяч войска. На другой стороне не остались в долгу и стали славить герцога, гулко ударяя мечами в щиты.

Над рядами поднялись знамена, Филипп выехал перед войском и поднял руку, требуя тишины. Крики прекратились.

– Солдаты, тому, кто пленит герцога, от моей королевской милости – две сотни золотых!

Войска ответили новыми криками «ура!», радуясь словам короля, фактически объявившего очередную победу.

Его величество проехал вдоль полков и остановился на небольшой возвышенности, разбитой на участки с сигнальными кострами. В случае гибели начальников или курьеров с помощью дымов можно было удержать управление войсками.

Все планы были согласованы накануне, генерал-граф и майор-бароны только ждали сигнала.

– Пошли! – крикнул Филипп, вскидывая руку, и одновременно с центральными полками на правом фланге в атаку пошли рейтары Карла Семина. На холмах присели на возах прицельщики баллист.

– Почему вы решили вдруг помиловать Ангулемского, ваше величество? Еще недавно вы горевали, что не удалось убить его, – удивился де Шермон, натягивая поводья. Его жеребец волновался и бил копытом мягкую землю.

– Я хотел избежать битвы и обезглавить армию герцога. Теперь его солдаты передо мной, так что убивать герцога нет никакого смысла. По крайней мере – теперь.

– Хотите въехать на его шее в дистанцерию, мой король? – усмехнулся де Шермон.

– Вы необыкновенно проницательны, граф... – Король неловко повернулся в седле – доспехи мешали ему – и крикнул: – Желтый дым для барона Сверсаля!

– Желтый дым с тремя перерывами для барона Сверсаля! – повторил толкователь.

Заготовленный факел ткнули в промасленную стружку, пламя с треском побежало по сложенным домиком поленьям. Затем подсыпали солевой присадки, и высокое пламя опало, обратившись в густой желтоватый дым, на который тотчас накинули огромный конус из мокрой кожи.

Началась подача команды – сигнальщик то приподнимал конус, то снова накрывал костер, выдавая затейливые цепочки дымных облаков. Сигнал был увиден раньше прибытия курьера, и кавалерийский полк королевских гвардейцев пошел в атаку на гвардейцев герцога, чтобы связать их и не дать пойти на поддержку гизгальдских стрелков. Те уже заметили недоброе – их левый фланг ушел в контратаку, однако рейтары Трауба скакали, опустив мечи, и перестраивались в колонны, что выглядело очень подозрительно.

В дело вступили баллисты. Шрапнель, ядра, колотый песчаник взвились в небо и с шипением понеслись навстречу войскам короля. С возвышенности, где находились король и граф де Шермон, было видно, что заряды упадут с недолетом.

– Не так уж и страшны эти чудовища, а, де Шермон?! – обрадовался Филипп, однако граф не успел ответить, когда упавшие ядра и каменная шрапнель поскакали прямо на рейтар Карла Семина.

Прицельщики герцога оказались куда искуснее, чем предполагал король, даже не дотягиваясь ядром до цели, они сделали залп «на выход», учтя рикошет снарядов и встречное движение кавалерии.

– Ах, каналы! – Король привстал в стременах и поднял забрало повыше.

Рейтары падали через головы лошадей, те спотыкались об упавших, и на пути отряда Карла Семина образовалось несколько завалов, однако, подтверждая маневренность легкой конницы, рейтары движения не замедлили, они ловко огибали упавших и неслись дальше. Король перевел дух. Да уж, тяжелым гвардейцам такие пируэты не по силам. Еще немного – и сквозь ряды королевских наемников хлынули встречным потоком дезертиры герцога Ангулемского.

– Желтый дым Дорсону и Ли-Кармеру! – приказал король.

Сигнальщики бросились зажигать следующий запал, а кавалеристы барона Сверсали уже преодолели полосу ядер и шрапнели и, оставив на молодой траве выбитых из седла гвардейцев, столкнулись с вышедшими им навстречу гвардейцами герцога Ангулемского.

Подмога была отправлена вовремя, с высоты было заметно, что контратаковавшие кавалеристы герцога остановили барона Сверсали и начали его теснить.

Тем временем рейтары Карла Семина попали под частый дождь арбалетных болтов. Первые несколько шеренг полегли, словно песок под морскими волнами, однако атака все же не захлебнулась, и рейтары вошли в соприкосновение с пешими гизгальдцами. Заблестели мечи, фланговое давление начало развиваться.

– Коричневый дым Сверсалию! – приказал король, привставая в стременах. Настало время выходить из боя потрепанному полку, оставляя схватку для свежих сил.

Пока в сражение была введена лишь четвертая часть войск короля, а у герцога Ангулемского увязло уже больше трети. Несмотря на то что красные мундиры его гвардейцев уверенно теснили синие и зеленые мундиры королевских гвардейцев, Ангулемский не был уверен в собственных силах и предпочитал действовать от обороны, прикрываясь хлесткими ударами баллист.

– Неправ герцог! – заметил де Шермон. – Ему бы нам на фланг кавалерию двинуть – «красные мундиры» очень хороши!

– Вот почему герцог Фердинанд столько лет оставался непобедимым! – согласился король. – Эх, сохранить бы герцогских гвардейцев да взять на службу! А еще камнеметчиков – всех!

– С камнеметчиками не получится – поколят их! – заметил де Шермон.

– Да знаю, – со вздохом произнес король. Его солдаты с охотой брали в плен военачальников противника, получая за это справедливые вознаграждения, однако, несмотря ни на какие посулы, продолжали убивать обслугу катапульта и баллист, мстя за свой ужас перед летающими каменными глыбами.

В королевских войсках катапульты и баллисты тоже имелись, однако толку от них было немного, поскольку занимались ими обыкновенные пехотинцы, не знавшие, как использовать мудреную науку об углах и как упреждать ветер. Однажды королю принесли начерченные на досках таблицы прицельщиков, что взяли в одной из мятежных крепостей с севера. Он честно потратил на их изучение целый день, однако не сумел разобраться даже с помощью придворных грамотеев.

– Желтый для Лакабье и Ферусса, красный для Сверсаля!

– Ваше величество, необходимо усилить давление в центр! Силы уравнились! – подал голос стоявший поодаль генерал-граф Бьорн.

– Согласен, – помедлив, ответил король. – Полагаю, вы подумали о копыеносцах Лемьера, генерал?

– Так точно, ваше величество, работа как раз для них – пробить насквозь центр Ангулемского!

С востока подул ветер, сигнальные дымы стали рассеиваться, теперь к каждому дыму полагался дублирующий курьер. Капитан-распорядитель лишь указал на следующего в ряду всадника, и его легконогий ганнцин сорвался с места. Повторять приказ – к кому ехать и что говорить – не требовалось, курьеры внимательно ловили каждое слово короля и генерал-графа.

15

Дезертирство наемников в самом начале битвы шокировало герцога и потрясло его солдат – вслед уходящим рейтарам неслись проклятия и несколько запоздалых арбалетных болтов. Даже задумавший предательство де Кримон был озадачен, он ревновал наемников к будущим милостям короля, на которые так рассчитывал.

Когда рейтары короля стали истреблять гизгальдских стрелков, герцог оказался на грани паники, но умелые действия бюварда спасли положение: три тысячи всадников, присланные дистандером, вышли из резерва и вместе с остатками стрелков рассеяли рейтаров среди холмов, где те попали под обстрел небольших отрядов арбалетчиков, стоявших на охране позиций баллист. В дополнение ко всему по рейтарам ударили катапульты ближнего боя, которые были легки и без особого труда перевозились с места на место.

Раненый Карл Семин стал спешно уводить остатки отряда в сторону королевских позиций, тем временем в центре завязалась новая схватка гвардейцев короля и герцога.

Оказалось, что красные мундиры сильнее и резвее противников. Они чаще рубили, меньше уставали, их кони скорее оборачивались и не требовали дополнительного управления.

К Ангулемскому вернулась надежда, а взволнованный бювард попросил разрешения контратаковать королевский фланг.

– Наши крепче, ваша светлость! Мы рассеем их, и битва будет прекращена, разойдемся в половине!

Герцог засомневался, думая, что предпринять, а де Кримон и вовсе перепугался, ведь он твердо решил предать именно сегодня.

– Это опасно, ваше высочество! Под прикрытием баллист мы скорее получим преимущество, чем в открытом столкновении!

И герцог охотно с ним согласился, позиции его войск были выгодными, и он боялся двинуться с места, помня о численном превосходстве противника.

– Нет, Рейланд, мы не станем рисковать!

– Герцог не станет рисковать, Рейланд! – повторил де Кримон, и возможная победа или хотя бы равный исход для армий были потеряны. Король ввел в бой еще несколько полков, усиливая натиск на правый фланг и в центр.

Гвардейцы герцога все еще успешно оборонялись и при случае теснили противника, но со стороны королевских позиций уже начали разгоняться тяжелые рыцари майор-барона Лемьера. Четыреста закованных в сталь всадников, вооруженных длинными пиками, сидели верхом на игапах – помеси мардиганцев и битюгов. Никакие другие лошади не были в состоянии нести пристегнутых к седлам рыцарей и собственно лошадиные доспехи, но даже эти мощные полукровки могли себе позволить только скорую рысь.

– Тараном, тараном идут! – послышались голоса встревоженных пехотинцев герцога. Сержант-сигнальщик стал торопливо передавать прицельщикам баллист приказ бюварда: все ядра на рыцарей!

Заскрежетали поворотные станки, мачты стали поворачиваться в сторону главной цели. Пауза продлилась недолго, вскоре навстречу копьеносцам Лемьера полетели камни.

Один, другой, третий, четвертый! Рыцари вылетали из седел, обрывая ремни, падали оглушенные лошади, ломались пики и разбивались щиты, однако основная часть тарана преодолела опасную зону. Ряды рыцарей сомкнулись, бреши были закрыты.

Над высоткой взметнулись разноцветные дымы, прочитавшие их сержанты стали охрипшими голосами выкрикивать новые команды. Полки майор-баронов Лакобье, Ферусса и Сверсаля начали торопливо освобождать место для удара тяжелых рыцарей. А разгоряченные

схваткой гвардейцы герцога поздно обратили внимание на «стальной таран» и не успели перестроиться.

Они попытались контратаковать в лоб, но были смяты, и построения рыцарей, почти не замедляясь, стали рассекать кавалерию герцога Ангулемского, двигаясь к полкам, стоявшим в резерве.

Разделив основную массу препятствовавших им гвардейцев, они столкнулись со стоявшими за их спинами копейщиками, пытавшимися остановить рыцарей рогатками. Однако это не помогло, рогатки с треском ломались, игапы топтали копейщиков, и «стальной таран» продолжал движение, в то время как смешавшиеся построения гвардейцев находились в замешательстве.

– Ваша светлость, пришло время повести за собой войска! – с пафосом воскликнул де Кримон, подводя герцогу его лошадь. – Одно ваше появление изменит всю картину боя! Гвардейцы ждут вашей поддержки, ваша светлость!

К этому моменту герцог окончательно потерял связь с реальностью, поэтому вскочил в седло и позволил де Кримону повести его лошадь за огражденную телегами границу. Остановившись в последний раз, герцог окинул взором всю картину разворачивающегося сражения, закрыл забрало и, подняв меч, пустил лошадь вперед.

– Ура его светлости, герцог с нами! – крикнул ему вслед де Кримон, пряча в ножны короткий кинжал, которым успел подрезать подпругу.

Появление Ангулемского действительно воодушевило гвардейцев, и они стали быстро выстраиваться позади него, восстанавливая боевые порядки.

Однако тяжелые рыцари были уже близко. Де Кримон видел, как герцог привстал в седле, чтобы лучше размахнуться мечом, и в следующее мгновение свалился под ноги лошадей, когда подрезанная подпруга наконец лопнула.

16

Увидев Ангулемского впереди его войск, Филипп едва не поскакал ему навстречу, иначе получалось, что герцог смелее его, но де Шермон удержал короля.

– Не стоит этого делать, ваше величество, там сейчас будет свалка!

– Я... сам знаю, что свалка...

Филипп привстал в стременах, чтобы лучше рассмотреть, каков в бою Ангулемский, однако было слишком далеко, чтобы заметить подробности. Внезапно белоснежный плюмаж герцогского шлема куда-то подевался.

– Эй, что там, кто-нибудь видит?!

Король обернулся к наблюдателям, сидевшим в корзинах на специальных вкопанных в землю шестах.

– Сверзся, ваше величество! Как есть сверзся! – крикнул самый глазастый.

– Да как же сверзся-то? Его пикой сбили?

– Никак нет, ваше величество, сам упал еще до Лемьера!

– Да как же упал?! – негодовал король. Он очень рассчитывал на пленение Ангулемского, это был бы его самый именитый пленник.

– Вы что-нибудь видите, граф?

– Только всадников, ваше величество... Полагаю, с герцогом покончено, победа за нами...

– Эх, де Шермон! Давайте за мной, мы должны прекратить сражение – эти солдаты нам еще пригодятся! Сигнальщики, всем красные дымы!

Король ударил мардиганца шпорами и погнал его прямо в котел кипящего сражения, на скаку выхватив тонкую парадную булаву. Ленты цветов королевского флага затрепетали на ветру.

Появление двух стремительных, ярко одетых всадников заметили с обеих сторон. Солдаты короля закричали: «Ура королю!», полагая, что его величество по своему обыкновению желает возглавить войска там, где всего опаснее. Гвардейцы герцога, что еще стояли в резерве, качали головами, жалея, что не могут дотянуться до Филиппа своими арбалетами. Прицельщики баллист отчаянно махали руками и кричали на обслугу, требуя взять точное упреждение – второго такого шанса им бы не представилось.

Полетели первые ядра, взвилась в воздух шрапнель, но они лишь сорвали дерн и разбросали землю, а желанные мишени проскакали неуязвимыми.

Тем временем, повинаясь приказу, войска короля с трудом «отрывались» от гвардейцев герцога, которым были непонятны причины отхода противника. Оставшиеся без герцога военачальники не решались преследовать вдруг побежавшего врага и даже увязшим в чужих порядках рыцарям Лемьера позволили развернуться и уйти через широкую брешь в рядах герцогской кавалерии.

Еще несколько мгновений – и гвардейцы в красных мундирах были готовы стихийно преследовать отходившего противника, но неожиданно для всех на едва обозначившейся линии разделения показался король Филипп с парадной булавой в руке и в сопровождении графа де Шермона.

– Стойте! – закричал король. – Остановитесь!

Призыв был адресован солдатам противника, но свои тоже остановились, услышав знакомый голос.

Король выпрыгнул из седла, отбросил булаву с лентами и подбежал к лежавшему среди других тел герцогу Бриану. Его кираса была смята копытами игапов, шлем повернут.

– Ангулемский, друг мой!

Филипп опустился рядом, герцогские гвардейцы подали лошадей назад.

– Помогите мне, де Шермон... – попросил король.

Граф опустился рядом, и вдвоем они осторожно перевернули герцога на спину, потом сняли шлем, открыв его окровавленное лицо.

– Кто... здесь? – прошептал раненый.

– Это я, король Филипп...

– Ваше... величество? – удивился герцог.

– Да, мой друг. Отчего ты упал? Это случилось так не вовремя...

– Упал... Все закружилось, и я... упал... Я проиграл, вы – победитель.

– Кому нужна такая победа, в ней нет славы. Все скажут – Филиппу повезло!

– Прощайте, ваше величество.

– И вы прощайте, ваша светлость.

– Прощайте... – повторил де Шермон, поскольку было очевидно, что герцог умирает. Прошло еще несколько мгновений, и на глазах своих и чужих солдат он умер.

Возникла пауза, которую неожиданно нарушил граф де Кримон. Он пешим расталкивал конных гвардейцев, ругаясь и волоча на спине седло герцога. Увидев короля Филиппа, граф несказанно обрадовался и, бросив седло, упал на колени:

– Ваше величество, какое счастье, что я вас увидел! Всегда мечтал быть вашим преданнейшим подданным, но обстоятельства вынуждали меня служить другому. Я, граф де Кримон, отдаю свою жизнь и свою преданность во власть вашего величества.

– А что за седло вы принесли, граф де Кримон?

– Это седло Ангулемского! – спохватился граф, вскакивая. – Посмотрите, ваше величество, – вот тут, на подпруге... Видите разрез?

Король сделал шаг вперед и поднял забрало повыше.

– Это я разрезал, а герцог поскакал и свалился!

Гвардейцы позади де Кримона негодуя загудели.

– Молчать! Молчать, я сказал! – закричал он, полагая, что после смерти герцога имеет право распоряжаться его солдатами.

– Зачем же вы это сделали, граф? – спросил король.

– Чтобы приблизить победу вашего величества! Давно мечтал! Давно!

И де Кримон низко поклонился.

– Что ж, вы оказали мне неоценимую услугу... – произнес король, и наступила такая тишина, что стало слышно, как в роще шелестит листва. – И заслуживаете щедрых королевских милостей...

– Я не рассчитываю ни на какие милости, – скромно потупясь, ответил де Кримон. – Лишь разрешите служить вашему величеству.

– Подайте ясельное ожерелье графу де Кримону! – воскликнул король и поднялся в седло. Де Шермон тоже взобрался на свою лошадь и покосился на де Кримона, который все еще стоял с опущенной головой в ожидании обещанной награды.

Из-за спины Филиппа выехали два гвардейца в зеленых мундирах, у одного из них, срезанная ударом меча, болталась зеленоватая обшивка, открывая блестящий наплечник, у другого был помят шлем. Всадники остановились по обе стороны от де Кримона, а тот все не поднимал головы, ожидая некой церемонии посвящения в приближенные рыцари.

– Наденьте ожерелье, граф его заслужил! – приказал король. Один из гвардейцев перебросил второму конец шелкового шарфа, затем накинул на шею де Кримона одинарную петлю, и оба рослых кавалериста разом дернули за концы шарфа.

Ноги де Кримона оторвались от земли, он сделал попытку освободиться, но через мгновение все было кончено. Гвардейцы отпустили шарф, тело предателя упало на траву.

В следующее мгновение все вокруг потонуло в торжествующих криках солдат с обеих сторон. Король поднял руку, и все замолчали.

– Кто у вас главный? – спросил он кавалеристов Ангулемского.

– Я, ваше величество, – вперед выехал немолодой гвардейский офицер в майорском чине. – Меня зовут Рейланд, я выполнял роль бюварда его светлости.

– Оставайтесь на своем посту, бювард, война закончена, но у нас еще много дел.

– Приказывайте, ваше величество!

– Заберите тело герцога, он будет похоронен в склепе со своими предками. Затем соберите раненых, если в чем будет какая нужда у них, наши лекари вам помогут.

– Спасибо, ваше величество, – поклонился бювард.

– Барон Лакобье!

– Он ранен, ваше величество! – ответили из королевских рядов.

– Барон Ферусс?

– Я здесь, ваше величество!

Ведя коня на поводу, к королю, прихрамывая, вышел военачальник.

– Барон, отрядите сотню гвардейцев, которые с сотней гвардейцев герцога отправятся взять под охрану баллисты – они должны быть сохранены, но особую ценность представляют обслуживающие ее люди.

– Ваше величество, там по двадцать гизгальдцев на каждом холме, они не сдадутся, – заметил бювард Рейланд.

– Гизгальдцы мне пленными не нужны, поступайте с ними как посчитаете нужным, – сказал Филипп, прекрасно зная, что гвардейцы герцога не любили его пришлых любимчиков.

17

Через полчаса сводные отряды гвардейцев начали штурмовать позиции баллист. Сбитая с толку обслуга баллист участия в схватке не принимала, и все свелось лишь к противостоянию арбалетчиков и кавалерии.

Вскоре все холмы были захвачены с минимальными для гвардейцев потерями. Обслугу и прицельщиков удалось сохранить, лишь двоих из них ранили гизгальдцы, поняв, что королю нужны именно эти люди.

Соппротивление арбалетчиков было окончательно подавлено, только несколькими десяткам удалось скрыться в рощах. Преследовать их не стали, Филипп торопился привести солдат Ангулемского к присяге и скорым маршем двинуться к Ливену.

За полчаса до обеденного гонга бювард Рейланд построил своих солдат на бывшем поле боя. Оно было уже освобождено от тел павших, однако трупы лошадей, рваная амуниция, сломанные пики и разбитые щиты все еще валялись вокруг в изобилии.

Чтобы придать процедуре присяги торжественности, напротив гвардейцев Ангулемского поставили несколько свежих полков короля Филиппа Бесстрашного, а чуть поодаль, на дощатом походном настиле, разместили два трона – для Филиппа и Анны Астурийской.

По такому случаю королева надела роскошное дворцовое платье, были нарядно одеты и сопровождавшие ее фрейлины, что, безусловно, придавало церемонии приведения к присяге особую торжественность.

По сигналу горна гвардейцы в красных мундирах опустились на одно колено, сняли шлемы и выслушали слова присяги. Затем три раза повторили «клянемся», и на этом присяга считалась принятой.

В спокойной обстановке – во дворце – эта процедура занимала значительно больше времени, однако для случаев, когда за четверть часа до битвы к присяге приводили пришлых варваров, использовался сокращенный вариант.

После того как принявшие присягу полки поднялись, король сошел с помоста и громко объявил, что ввиду героического поведения гвардейцев и их ладной формы он решил оставить им мундиры, звания и даже знамена.

– Мы лишь добавим королевский герб рядом с гербом Ангулемского, чтобы все знали о вашей славной истории.

И снова новообращенные подданные короля от души кричали «ура». Долгий период неопределенности, начавшийся после смерти мудрого герцога Фердинанда, наконец закончился, и они обрели решительного и смелого покровителя.

Еще вчера Филипп планировал уничтожить войско Ангулемского, чтобы выместить обиду за неудавшееся на него покушение, стоившее потери отряда добровольцев, однако сегодня его намерения изменились, и он радовался происходящему не меньше солдат в красных мундирах, поскольку получил не только победу, но и пятнадцать тысяч отборного войска.

– Готовьтесь к обеду, лечите раны, сегодня мы отправимся к Ливену! – объявил король, и военачальники стали повторять его приказ и уводить полки.

– Удача, Филипп! Ты преуспел! – не удержался от комплимента граф де Шермон.

– Да, друг мой, – согласился король, положив руку на наплечник графа. – Это больше чем победа, это благорасположение звезд, и им непременно нужно воспользоваться.

– А что с полками дистандера, ваше величество? Велите посечь их?

– Отнюдь. Посылка полков, без сомнения, жест недружелюбия, однако я знаю наверняка, что герцог просил десять тысяч, а получил – три. Думаю, мы простим дистандера на первый раз и пошлем ему какой-нибудь подарок и наши наилучшие пожелания.

– Вы становитесь искусным политиком, ваше величество.

– О да, к моему мечу и удаче прикладывается мой ум.

– И ум королевы, ваше величество, – с поклоном добавил де Шермон.

– Не мог не уязвить?

– Я лишь забочусь о том, чтобы взор моего короля был яснее, а мысли трезвее.

Филипп видел, что друг смеется над ним, однако не подал виду, что обиделся.

– На вас ложится важная задача, граф.

– Я все исполню, ваше величество.

– Не сомневаюсь в этом, граф, – в тон де Шермону ответил Филипп. – Сейчас же садитесь на лошадь, разыщите бюварда Рейланда и вместе начинайте выстраивать колонну.

– Но, ваше величество!..

Де Шермон метнул быстрый взгляд в сторону предмета своего обожания – королевы Анны Астурийской.

– Никаких «но», граф. Мы должны отправиться на Ливен сразу после обеда, а обеденный гонг прозвучит вот-вот...

В подтверждение его слов над полем разнесся звук обеденного гонга, к холмам потянулись возы с хлебом, солониной и водой.

– Поезжайте, граф, я распоряжусь, чтобы ваши слуги здесь не задерживались. Полагаю, вы сумеете угостить бюварда обедом?

– Разумеется, ваше величество, мы, северяне, славимся своим гостеприимством, – безрадостно ответил де Шермон, забираясь в седло. Он снял шлем, приторочил его к седлу и еще раз оглянулся на помост, где в кругу фрейлин и военачальников блистала королева.

– Бювард Рейланд там, граф! – указал король. – Вон он, я его вижу.

– Благодарю, ваше величество, – ответил де Шермон и, тронув лошадь шпорами, поехал мимо похоронных команд и длинной череды возов с собранной амуницией.

18

Еще не рассвело, когда под окнами Каспара Фрая раздался мелодичный перестук дорогих каленых подков.

– Это здесь, ваша милость, куда вы потащились! – произнес недовольный голос, принадлежавший молодому человеку.

– Сам знаю, что здесь! Не смей мне указывать... молокосос!

Второй голос принадлежал грузному расстроенному мужчине, он не переставая шмыгал носом, а когда говорил, то и дело срывался на рыдания.

Сойдя на землю, расстроенный толстяк подошел к воротам и принялся в них стучать. Сначала робко, а потом все сильнее.

– Господин Фрай! Господин Фрай, откройте! Господин Фрай, катастрофа! Откройте!

Каспар поднял голову с подушки и тряхнул ею, надеясь, что спит и видит кошмарный сон. Он полагал, что уже никогда не услышит среди ночи требовательного стука в ворота, ведь именно с этого в прежние времена начинались многие его неприятности.

– Кто там, Каспар? – спросила проснувшаяся Генриетта.

– Должно быть, какой-то пьянчуга загулял и перепутал ворота... – проворчал Фрай, спуская ноги на пол.

– Но он называет твое имя. Это не могут быть посыльные герцога?

– Герцог ушел воевать с королем, надеюсь, они еще долго будут заняты друг другом.

– Господин Фрай! Откройте, катастрофа, господин Фрай!

– Похоже на голос бургомистра, – сказала Генриетта, подходя к окну. – Да, он и есть. Скажи, чтобы перестал стучать, а то детей разбудит.

Однако едва Каспар попытался открыть окно, в спальню родителей заглянула Ева.

– Тебе чего? – спросила Генриетта.

– Папа, возьми меня с собой! – потребовала дочь.

– Куда я должен тебя взять? – удивился тот, пытаясь открыть оконный замок.

– В поход в дальние страны!

– С чего ты взяла, что отец отправится в какие-то «дальние страны»?! – раздраженно воскликнула Генриетта, закалывая волосы. Она уже понимала, что спать им сегодня не дадут.

– ...атастрофа! – ворвался в открытое окно голос бургомистра.

– Что случилось, господин бургомистр? – спросил Каспар, выглядывая на улицу.

– Катастрофа, господин Фрай! – Бургомистр оглянулся. – Спуститесь сюда, это катастрофа, о которой я не могу кричать на всю улицу.

– Не беспокойтесь, вы уже всех разбудили... – Каспар вздохнул. – Хорошо, я сейчас спущусь.

Он закрыл окно и стал одеваться.

– Что же там могло случиться, Каспар? – не унималась жена.

– Не знаю. Возможно, прохудилась крыша на ратуше, для бургомистра этого достаточно, чтобы объявить всеобщую катастрофу.

Выйдя из спальни, он столкнулся с Евой.

– Папа, возьми меня с собой, я тебе помогать буду!

Это уже было за пределами терпения Каспара, он попытался дать надоедливой девчонке подзатыльник, однако Ева ловко увернулась, и Каспар заехал рукой по дверце резного шкафа.

– Ах ты... – хотел выругаться Каспар, но сдержался, а Ева отскочила на безопасное расстояние и прокричала:

– Папа, ты сам говорил, что боец должен быть проворным! Я – проворная!

– Да что ж это за наказание! – В коридоре показалась Генриетта. – Тебе скоро шестнадцать лет, тебе о женихах думать надо!

– Что, все время? – с вызовом спросила Ева.

– Что здесь происходит? – спросил появившийся Хуберт, заслоняя собой весь проем коридора.

– Папа пойдет в поход, – сообщила Ева.

– Хватить чепуху молоть... – оборвала ее мать, торопясь пройти на кухню.

Каспар вышел на крыльцо и плотно закрыл за собой дверь. У соседа залаяла собака.

– Господин Фрай, это катастрофа... – продолжал подвывать под воротами бургомистр.

Каспар спустился по длинной лестнице, отодвинул засов, и грузный бургомистр ввалился во двор. Сопровождавший его молодой писарь только усмехнулся.

– Беда, господин Фрай, катастрофа! – снова затянул свое бургомистр, хватая Каспара за плечи.

– Крыша прохудилась? – попробовал угадать Каспар.

– Хуже! Король разбил наше войско и движется на Ливен! Герцог погиб смертью героя!..

– Откуда это известно?

– Двое гизгальдцев прискакали – едва ноги унесли, король приказал их всех мечами посечь, едва ли полсотни спаслось.

– А остальное войско?

– Присягнуло королю.

– Присягнуло королю, – повторил Каспар, прикидывая, чем это теперь может угрожать городу Ливену и его семье. Может, пришло время все бросить и уехать в Коттон? Фундинул прежде жил там, у него могли остаться хорошие знакомые.

– Господин Фрай, завтра или послезавтра король встанет под стенами Ливена...

– Под какими стенами? Они все застроены, не думаете же вы, что нам придется обороняться от короля?

– Нет, господин Фрай, и в мыслях не было, – замотал головой бургомистр. – Когда король встанет под стенами, вы должны вынести ему ключи от города и заверить его в нашей верности.

– Так это же ваша обязанность – вы глава города, вам и ключи выносить.

– Господин Фрай, не губите! – Бургомистр вцепился в рубашку Каспара. – Он прикажет зарезать меня, господин Фрай!

– Да с чего же он прикажет вас зарезать, если вы выйдете к нему с ключами от города, господин бургомистр?! – начал терять терпение Каспар. Истерика толстяка его уже утомила, к тому же он еще сам не знал, как поступить – бежать или остаться в городе.

– Я это чувствую, господин Фрай, я ночами не сплю! Я слабый человек, а вы человек известной храбрости. Во дворцах бывали, с герцогом запросто разговаривали – ну кому, как не вам, выносить ключи? Ведь если начнут жечь город, от ваших мануфактур ничего не останется! Я знаю, вас этим не проймешь, у вас теперь в любом банке кредиты имеются, но люди ваши без куска хлеба останутся – им-то каково будет?

«Ишь ты, как запел, – мысленно усмехнулся Каспар, – о людях заговорил, а когда деньги на строительство канала присваивал, о людях не думал?»

– Ладно, отнесу ключи от города, только вот что...

– Что? – подался вперед бургомистр.

– На северную дорогу дозор нужно поставить, в пяти милях есть холм, за ним болота – до самого горизонта все видно.

– Хорошо, господин Фрай, все поставим.

– Людей в дозор нужно подобрать непьющих, стражников ставить нельзя, они и часа трезвыми не пробудут.

– Племянника пошло, у него торговля в пригороде, он не проглядит.

– Вот и хорошо, как увидят войско, пусть скачут в город. Мы должны подготовиться к приему короля.

– Да, господин Фрай, я все сделаю, как вы скажете! Все сделаю!

Пока Каспар вел разговор с перепуганным бургомистром, Ева стояла у приоткрытой двери, стараясь не пропустить ни единого слова. Оказывается, в герцогстве сменилась власть, а ей об этом ничего не известно!

Ева тут же придумала, как это сделать – она решила прогулять своего мардиганца Ирсона в северном пригороде, чтобы хоть одним глазком взглянуть на войско короля.

«А то так и просижу дома, думая о женихах, как велит мама», – подумала она и, видя, что отец возвращается, убежала на кухню.

Вернувшись в дом, Каспар притворил дверь, задвинул засов, снял сапоги и, проходя мимо кухни, с удивлением обнаружил за столом все семейство.

– Эй, вы что, завтракать решили? А я собирался доспать, ведь и не рассвело еще толком!

– Какой уж тут сон, – вздохнула Генриетта. – Что требовал от тебя бургомистр?

Каспар хотел утаить предмет разговора, но по глазам Евы понял, что никакого секрета уже не существует.

«И когда успела?»

– Я понесу королю ключ от Ливена, – сказал он, подходя к столу и усаживаясь на свою табуретку.

– Ну и хорошо, хоть какая-то власть в герцогстве появится, – сказала Генриетта, накладывая мужу сметану, – а то этот герцог Бриан был каким-то мямлей, не то что Фердинанд.

– Да-а, – кивнул Каспар, раздумывая над сложившейся ситуацией.

19

Всю ночь и утро шел дождь, то переходя в ливень, то ослабевая и мерно постукивая каплями по тентам повозок. Все вокруг было пропитано сыростью: мешки, мундиры, сапоги и шляпы, однако двигалось войско довольно споро, поскольку дорога шла через стоявшие на песке ельники.

Рядом с де Шермоном покачивался в седле бювард-майор Рейланд. Граф уже знал, что бюварду недолго оставаться на этом посту, на должность командующего герцогским войском был подготовлен один из баронов, однако и Рейланда не забыли, в войске короля ему нашли хорошую должность, ведь игнорировать опыт старого вояки было бы глупо.

– Скажите, бювард, а почему вы не решились контратаковать войска короля, ведь ваши гвардейцы были крепче, вы могли рассеять хотя бы один фланг? – спросил де Шермон, стараясь хоть чем-то скрасить дорожную скуку.

– Называйте меня «майор», ваше сиятельство, этого звания у меня не отнять, а бювард – это лишь политика, сегодня есть, а завтра – нет.

– Хорошо, майор, – улыбнулся граф, ему было приятно, что этот суровый рубака оказался умнее, чем о нем думали.

– Благодарю вас, ваше сиятельство. О контрударе я подумал сразу, как только столкнулись полки в центре, выждал еще немного и обратился с предложением к герцогу...

– И что же герцог?

– Он не успел составить собственного мнения, когда вмешался де Кримон, который имел на покойного большое влияние.

– Отчего такое слепое доверие?

– Я слышал, герцог знал его еще ребенком.

– Вот так, – покачал головой граф, – нас предают те, кому мы больше всего доверяем.

Послышался топот копыт – в сопровождении трех офицеров, обгоняя колонну, скакал король Филипп. Поравнявшись с де Шермоном, он придержал лошадь.

– Сколько еще до Ливена, бювард Рейланд?

– Миль двенадцать, ваше величество. Может быть, желаете сразу повернуть на Ангулем? Ведь замок до сих пор пустует, там можете поместиться и вы со слугами, и ее величество. Да и прислуга там обученная.

– Нет, благодарю вас, бювард, это все потом, а пока я желаю лично увидеть город Ливен и узнать, насколько он похож на Харнлон. Ведь это, по сути, соперник королевской столицы, как знать, может, ему суждено стать новой столицей.

– Как пожелаете, ваше величество, горожане будут этому рады, – с поклоном сообщил бювард.

– Рады? С чего вы взяли?

– При герцоге Фердинанде Ливен чувствовал его твердую руку. И в торговле, и в городском порядке. Однажды воры подняли в городе мятеж, так его светлость ввел в Ливен гвардию. Это было самое настоящее сражение с чернью и ворами, я сам в качестве рядового гвардейца принимал в этом участие!

– Сражение с ворами? – поразился король.

– Как есть сражение, ваше величество, мы несли потери. Однако в конце концов порядок был восстановлен, пару сотен мерзавцев повесили, и город несколько лет обходился вовсе без воров – горожане были этому рады.

– А что же Бриан? Он не был достоин своего предшественника?

– Нет, ваше величество, кроме постройки на Рыночной площади виселицы, иных мер к установлению порядка в городе он не предпринимал. Всем пришлось заниматься ратуше и городской страже.

– Что ж, очень поучительный рассказ, бювард Рейланд, постараюсь извлечь из него ценное зерно. А вы, де Шермон, не желаете прокатиться со мной и этими господами вдоль дороги?

– С удовольствием, ваше величество. Хотелось бы переодеться в сухое, но...

– Перестаньте, де Шермон, разве это дождь?

Граф улыбнулся: под кожаным дождевиком костюм короля был абсолютно сухим – наверное, он переоделся четверть часа назад, а платье де Шермона от сырости стало на десять фунтов тяжелее.

– Хорошо, я готов.

– А вы еще не сообщили бюварду о наших планах?

– Нет, ваше величество, как можно? – ответил де Шермон, расправляя гриву своего мардиганца.

– Отлично, э-э...

– Майор Рейланд, ваше величество, – с поклоном подсказал Рейланд.

– Да, именно так. Думаю, на пост бюварда мы найдем какого-нибудь медлительного дворянина, а вас я переведу в действующее войско. Нам нужны опытные военачальники, но самое главное, меня интересует все, что касается подготовки тяжелой кавалерии. Полагаю, именно этим вы и занимались при герцоге Фердинанде?

– Вы необыкновенно проницательны, ваше величество. Я с радостью принимаю это назначение.

– Вот и прекрасно, друг мой, а теперь... Де Шермон?!

– Я – готов!

– Вперед!

Король понесся по дороге, за ним последовали граф и три сопровождавших короля офицера.

20

Через четверть часа лошади утомились, авангард войска остался далеко позади, и король велел остановиться, чтобы перевести дух.

– Сколько мы проскакали, барон Штойр?

– Миль восемь, ваше величество!

– Хорошо. Оставайтесь здесь, а мы с графом выберемся к самому Ливену.

– Это небезопасно, ваше величество, – рискнул вмешаться рослый барон Лейдорф, выполнявший роль королевского телохранителя.

– Не беспокойтесь, барон, со мной будет де Шермон. Вы сумеете постоять за жизнь своего короля, граф?

– Разве может быть иначе, ваше величество? Мой меч и мой арбалет со мной!

И де Шермон похлопал по отсыревшему чехлу, где лежал кавалерийский двулучный арбалет с пристежной «козьей ножкой» – приспособлением, которым можно было поочередно взвести оба лука, оставаясь в седле.

Офицерам оставалось только подчиниться, однако, судя по тому, какими взглядами они обменялись, отпустить короля слишком далеко они не собирались.

И снова отдохнувшие кони понеслись вскачь, замелькали сосны, заболоченные ямы и лиственные рощи. Вскоре лес остался позади и потянулись последние к городу мили, бежавшие через болота по песчаной насыпной дороге.

– Я вижу холм! – крикнул король. – Держу пари, с него мы увидим Ливен!

– Пари не принимаю, ваше величество, это и так очевидно! – прокричал в ответ де Шермон. Их кони сошли с дороги и понеслись через молодую осоку.

Уже из последних сил, поводя боками, они поднялись на вершину холма и остановились, когда наездники натянули поводья.

– Эх, де Шермон, ты мог выиграть пари – город едва виден!

– Нет, ваше величество, если бы я заключил пари, вы бы сказали, что город виден очень хорошо!

Приятель засмеялся.

– Ты хорошо изучил меня, де Шермон.

– Еще бы, сколько я себя помню, мне приходилось быть возле тебя.

– Могу представить, как же я тебе надоел.

– Нет, Филипп, это неправда, иногда ты бываешь несносным, но мой долг быть возле короля, и я выполняю его, чего бы мне это ни стоило.

– Что это там? – спросил король, указывая на появившегося из ближайшей рощи всадника. За ним бежали пятеро вооруженных людей, скорее всего разбойников, но у них не было шансов догнать жертву: и наездник, и лошадь были в полном порядке. Но неожиданно он сам натянул поводья, соскочил на землю, и разбойники обрадованно бросились к нему, размахивая кто дубиной, кто мечом, притом что этот отчаянный не имел при себе ничего.

– Зачем он это сделал? – поразился де Шермон.

– Мы расспросим его об этом... если он уцелеет.

– Они же его зарежут, – произнес граф, видя, как разбойники окружают неразумную жертву.

– Это какой-то самонадеянный мальчишка, – сказал король.

– Да, теперь я вижу, – кивнул де Шермон, оценивая хрупкую фигурку. – Нужно помочь ему!

– Зачем? Он сам выбрал эту участь, хотя мог ускакать. Давай лучше заключим пари. Ставлю дукат, что его зарежут – безоружный против пятерых, он не выстоит.

– Что ж, мне остается ставить на него, я хочу, чтобы он выжил, – сказал де Шермон.

Возле рощи завязался бой, мальчишка оказался не так прост, взмахнув рукой, он сбил с ног самого крупного грабителя, вооруженного дубиной.

– Он бросил перчатку! – воскликнул де Шермон.

– А может, просто камень?

– Нет, я видел, как она блеснула!

– Показалось... – отмахнулся Филипп.

Тем временем мальчишка проскользнул в образовавшийся проход, и разбойники снова побежали за ним, но он обманул их и вернулся на прежнее место, где поднимался с земли сбитый им грабитель.

Удар сапогом – и разбойник свалился без чувств, а мальчишка поднял что-то с земли.

– Перчатка! Я же говорил – перчатка! – обрадовался де Шермон.

– Похоже на то, – согласился король.

Несмотря на неудачу, разбойники и не думали отказываться от своих намерений, вид ускользавшей жертвы только раззадоривал их. Стороны опять сошлись, один из разбойников сделал выпад мечом, однако мальчишка схватился за клинок и вырвал оружие из рук противника.

– Действительно, кольчужная перчатка! – сказал король. – Иначе бы он не решился хвататься за меч!

После такого поворота разбойники поостыли, но все еще надеялись повернуть схватку в свою пользу. Один из них ударил дубиной, чтобы отвлечь внимание, а другой бросился на мальчишку с топором. Он махнул изо всех сил, однако мальчишка отскочил в сторону и ударил разбойника сапогом в голень. Даже на вершине холма был слышен страшный крик несчастного, а проворный боец сделал пару стремительных выпадов и ранил еще двух разбойников, потом погнался за пятым и сделал подсечку.

От быстрого бега с головы мальчишки слетела шляпа, на плечи упали длинные волосы.

– Да это девица! – воскликнул де Шермон, пораженный столь неожиданным превращением.

– Ты прав, де Шермон!

– Давай спустимся, познакомимся с этой воительницей!

– Нет, – подумав, отказался король. – Мне неловко. Потом она расскажет, что Филипп любовался с холма, как разбойники пытались ее убить, и ничего не сделал, чтобы вызволить бедную девушку. Нет, не поеду. А ты отправляйся, я тебя здесь подожду. В конце концов, даже любопытно, кто она такая.

Де Шермон не стал себя упрашивать и пустил лошадь по склону. В ушах засвистел ветер, и он схватился за шляпу, чтобы не упала.

Услышав стук копыт, девушка быстро обернулась и подняла меч. Однако, поняв, что перед ней не грязный разбойник, опустила оружие.

– Здравствуйте, мисс! – произнес де Шермон, натягивая поводья.

– Здравствуйте, – ответила девушка. Она была совсем молода, должно быть, ей не исполнилось еще и шестнадцати.

Де Шермон сошел с лошади и поправил шляпу. Ему не составляло труда поговорить с незнакомой девушкой во дворце или на королевской охоте, но сейчас он испытывал некоторое смущение.

– Я... проезжал мимо и увидел, что на вас напали... Но помочь не успел – вы и сами справились. – Де Шермон указал на окровавленных разбойников, что, прихрамывая, уносили ноги. – Почему вы не убили их?

– Они были неопасны, – совсем по-мальчишески ухмыльнулась девушка и надела шляпу, уже не пряча длинные волосы.

Де Шермон невольно залюбовался юной воительницей, ему еще не приходилось видеть девушек в мужских кожаных штанах и в шляпе поверх распущенных волос. Это было необыкновенно приятно для глаз.

Впрочем, королева... да, она носила охотничий костюм, и в нее де Шермон был влюблен, однако сейчас его больше интересовала эта стройная девушка.

– Мне показалось, вы могли ускакать от них, но не сделали этого – почему?

– Мне нужно было с кем-то подраться, подраться по-настоящему, понимаете?

– Нет! – улыбаясь во весь рот, ответил де Шермон. Он не ожидал услышать подобное от хрупкой девушки.

– Мне хотелось опробовать на ком-то, что я могу. Бесконечно бить в рычаги надоело, брат со мной драться уже не хочет, а отцу некогда. – Девушка вздохнула.

– Что за странное занятие для девушки... И этот костюм. Столь красивая особа должна носить нарядные платья, – произнес де Шермон, приближаясь.

– Скажете тоже, красивая особа, – засмушалась Ева, краснея. – В этом костюме мне удобно в седле. И как бы я бегала за разбойниками в нарядном платье?

– Да, действительно, – согласился де Шермон.

– А я знаю – вы граф!

– Правильно, а как вы угадали?

– У вас на наплечнике герб. Значит, вас нужно называть «ваше сиятельство».

– Для вас это необязательно, мисс. Но раз я частично изобличен, придется представиться.

Грегори Матиус де Шермон, граф Одуанский и Бризо.

Граф снял шляпу и поклонился, приведя этим Еву в восторг. Все было так, как она читала в книгах, что давала ей Магда Брук, подруга по школе для девочек. Молодой и красивый граф с длинным, трудным для запоминания именем, весенний дождик и... трофейный меч в руке.

– А как вас зовут, прекрасная незнакомка? – спросил де Шермон.

– Ева.

– Ева, какое чудесное имя. А как звучит ваша фамилия?

– Просто звучит – Фрай. Ева Фрай.

– Знакомая фамилия. И много в Ливене Фраев?

– Нет, – простодушно ответила Ева. – Мама, папа, я и брат Хуберт.

– А Каспар Фрай, известный шпион герцога Ангулемского, вам, случаем, не родственник?

– Каспар Фрай мой папа, но он не шпион! – ответила Ева, хмурясь, а де Шермон, поняв, что допустил бестактность, тут же принялся исправлять положение:

– Уверен, что это лишь слухи, в Харнлоне всякое болтают. Но я не придаю этому значения, поверьте, Ева.

Де Шермон снял перчатку и взял девушку за руку.

– У вас совсем небольшая ладонь, но мозоли говорят о том, что вы много упражняетесь с мечом – я прав?

– Каждый день после возвращения из школы, – призналась Ева, не забирая своей руки. – Но это одно только название – «школа», на самом деле это заведение для девочек. – Ева пренебрежительно усмехнулась и тут же добавила: – Но я учусь цифири, знаю геометрию и углы. А еще ромейский язык.

– Вот так девица! – искренне восхитился граф. – Даже при дворе не сыщешь человека, чтобы так много успевал!..

– Вы о каком дворе говорите, граф?

– Я? – Де Шермон наморщил лоб, незаметно для себя он проговорился.

– Иногда я бываю при дворе короля Филиппа Рембурга.

– Филиппа Бесстрашного?

- Да, так его теперь называют.
- А какой он?
- Он?

Де Шермон хотел было начать описывать своего венценосного приятеля, но поймал себя на мысли, что его новая знакомая имеет с Филиппом явное сходство. И как же он раньше этого не заметил?! Глаза, переносица, скулы. А рука?

Граф еще раз посмотрел на ладошку Евы – она была копией ладони Филиппа, только поменьше. Неужели слухи о королеве и шпионе Ангулемского... правда?

- Ну так какой же он, ваша светлость?
- Он... обыкновенный, – пожал плечами граф. – Чем-то на вас похож.

Ева засмеялась, засмеялся и граф. Дождь усилился, но они этого не замечали. Позвякивая мундштуками, их лошади щипали травку.

- Значит, это отец обучил вас военным премудростям?
- Да.
- Но зачем вам это?

Ева пожала плечами:

- Нравится.
- Ева, я должен возвращаться... Но прежде мне хотелось бы убедиться, что вы миновали рошу и выбрались на открытое место.
- Хорошо!

Ева стремительным броском запрыгнула в отсыревшее седло и удержала лошадь, когда та попыталась сразу двинуться на дорогу.

– И еще, Ева... – Де Шермон провел ладонью по мокрой морде мардиганца Евы. – Не будете ли вы против, если я навещу вас в доме вашего отца?

- Конечно, приезжайте! – обрадовалась Ева, ничуть не скрывая своих эмоций.
- Тогда – до свидания.

– До свидания, Грегори Матиус де Шермон, граф Одуанский и Бризо, – ответила Ева, пряча трофейный меч в узкую суму. Затем шлепнула лошадь по крупу, и обученный мардиганец зарылся по дороге.

А де Шермон все стоял, глядя ей вслед, и даже не заметил, как подъехал король.

- Де Шермон, друг мой, вы здоровы? – поинтересовался он.
- О, ваше величество! – очнулся граф, не в силах скрыть счастливой улыбки.
- «О, ваше величество», – передразнил его король. – Я совсем промок, ожидая, когда же вы, граф, вспомните про своего короля.

– Разве я долго отсутствовал, ваше величество?

Де Шермон забрался в седло, не замечая неудобства от того, что оно мокрое.

– Достаточно долго, чтобы я начал волноваться – уж не заколдовала ли вас какая-нибудь ведунья.

- Нет, ваше величество, я снова с вами, и никто меня не заколдовывал.
- Откуда же эта улыбка?

В голосе короля прозвучала ревность, он привык, что внимание всех вокруг принадлежит только ему.

– Просто хорошая погода, хорошее настроение! – Де Шермон смахнул с полей шляпы несколько капель. – А что у вас?

– Я нашел яичную скорлупу и корки от ветчины, перед нашим прибытием на вершине холма находился вражеский дозор.

- Почему же вражеский?
- А кто мог следить за нами?

– Горожане из Ливена, – пожал плечами де Шермон и шпорами направил мардиганца в гору.

– Что горожанам из Ливена делать на этой горе?

– Полагаю, они ждут прибытия вашего величества, не желают ударить в грязь лицом перед приездом такого гостя.

Король догнал де Шермона, их лошади поравнялись.

– Что ж, может, вы и правы, граф. А что же девица – она хороша собой?

– Она миловидна, ваше величество.

– Почему же она не в платье? Вы спросили?

– Да, она сказала, что ездит так на лошади. В мужском костюме удобнее.

– Согласен, всегда поражался тому, как дамы ухитряются не выпасть из дамского седла, а ведь на охоте, бывало, перемахивали через поваленные деревья.

– М-да, – кивнул де Шермон.

– Вы спросили ее имя?

– Спросил, ваше величество. Ее зовут Ева Фрай.

– Фрай? – вскинулся король.

– Вот именно. Именно так звали шпиона герцога Ангулемского.

– О каком шпионе вы говорите? – спросил король, делая вид, что не понимает.

– Ну как же, при дворе все знают эту историю, когда тот самый Каспар Фрай был принят во дворце как торговец шоколадом, именно ему принадлежит рецепт «Королевского нектара» – шоколада со сливками и сахаром.

– Ах, вон вы о чем! – Король смахнул с наплечника воду. – Так что, они с этой девицей родственники?

– Да, ваше величество. Более того, Каспар Фрай – отец этой юной воительницы.

Перевалив за вершину холма, они стали спускаться. Король молчал, а де Шермон не считал нужным заводить новый разговор. Впереди показались трое офицеров, они все же не решились оставить короля без своей опеки, хоть и постарались ему не мешать.

– Вернемся к войску, ваше величество?

– А смысл? Обсушиться все равно не успеем, а через час-полтора авангард уже покажется на болоте. Давайте просто выпьем перегонного вина.

– У меня нет перегонки, это плебейское снадобье.

– И у меня нет, по той же причине, увы. – Король поежился и посмотрел по сторонам, надеясь обнаружить край дождевого фронта, но его надежды не оправдались, все небо было затянуто мутной пеленой.

– Я знаю, у кого мы можем разжиться перегонкой, – сказал граф.

– У кого же?

Де Шермон поднялся в стремях, сложил ладони рупором и крикнул:

– Што-о-о-ойр! Барон Што-о-о-ойр!

Недвижимые фигурки всадников оставались такими еще несколько мгновений, а затем один из них поскакал в направлении короля и де Шермона.

– Думаете, у него есть?

– Штойр страдает от легочной болезни. Он не может без перегонки ехать в дождь.

Подъехал Штойр, смахнул со шляпы воду и вопросительно взглянул на короля.

– Барон, у вас есть эта огненная штука? Его величеству нужно согреться, – сказал де Шермон.

– Разумеется, ваше сиятельство, она всегда при мне.

С этими словами Штойр распахнул дорожную суму и достал оплетенный кожей стеклянный сосуд, заткнутый деревянной пробкой.

– У меня и пара новых стаканчиков найдется, – сообщил он, доставая сплюсненные кожаные стаканчики.

Граф развернул стаканчик для короля, потом для себя и подставил их барону. Тот налил в них прозрачную жидкость, затем подал графу кусок вяленого мяса.

– Что это? – спросил тот, осторожно берясь за странного вида предмет.

– Вяленая конина, обваленная в тертом чесноке, ваше сиятельство.

– И вы полагаете, что мы с королем станем это есть? – спросил де Шермон, с подозрением рассматривая желтовато-красный кусок.

– Придется, ваше сиятельство, – со знающей улыбкой заметил барон.

Граф подал стаканчик королю, тот принял его с некоторой опаской, зная, что перегонка здорово жжется. Но не пить вовсе при такой погоде было нельзя.

– Позвольте... – Барон выхватил у де Шермона кусок конины и прямо на перчатке рассек его кинжалом на четыре пластинки.

– Да вы дока, барон! – заметил король.

– Ну, пьем? – спросил де Шермон.

– А куда же деваться, давайте, граф...

Де Шермон и король нерешительно посмотрели на стаканчики, а затем один за другим опрокинули перегонку в рот.

– О-о-о-о! Кха-кха! Што-о-ойр, вы отравитель! – прохрипел Филипп, схватил с руки барона кусочек конины, забросил в рот и принялся торопливо жевать. Его примеру последовал де Шермон. Минуты две они только охали, покачивали головами и втягивали воздух, затем Филипп перевел дух и, улыбнувшись, сказал: – Благодарю, барон, вы спасли своего короля.

– Безмерно счастлив, ваше величество.

– Можете возвращаться к своим приятелям, а мы с графом еще посекретничаем.

Барон уехал, оставив графа и короля в приподнятом настроении.

– Нужно сказать, перегонка с этой, страшно сказать, вяленой кониной не так уж и дурна, особенно учитывая эту сырость, – заметил король.

– Согласен, ваше величество, быть может, королева нас не поняла бы, но в данной ситуации конина сошла за тушенных в сливках перепелов.

– Вот именно! – кивнул опьяневший король и хохотнул. – Интересно, из чего делают эту перегонку?

– Вердийцы изготавливают ее из морошковой браги, но чаще перегоняют из пива, которое, в свою очередь, варят из протухших рыбьих кишок, – сообщил порозовевший де Шермон.

– Из кишок? – переспросил король, морщась. Граф кивнул. – Силы земные, не будь я в седле, меня бы стошнило.

Король огляделся: в тучах по-прежнему не было видно ни единого просвета.

– Кстати, о рыбьих кишках. Наш временный дипломатический представитель в Капекслаа граф Куденьер сообщил престранные вещи. Якобы вердийцы и тардийцы стовариваются потребовать с нас выплату за обиды.

– Выплату за обиды? – переспросил де Шермон.

– Именно так.

– О каких же обидах идет речь, ваше величество?

– За то время, пока побережье находилось под властью Рембургов, они якобы не могли развиваться как свободные народы.

– А чего там развивать, ваше величество? Как собирали ракушки на берегу, так и собирают. Только ремесла им развили, грамоту дали, чтобы имена свои писать научились.

– Граф Куденьер ответил им так же, но они возразили, что достигли бы всего и сами, если бы не оккупация Рембургов.

Де Шермон только покачал головой.

– Ну разве заслуживали эти люди того, чтобы ваш дед дал им свободу, ваше величество? Ведь жили под защитой короля и ни о чем не думали! Сенат им придумали.

– Вильгельм Рембург был человеком мягким, оттого за время его правления территория королевства и уменьшилась. Вместо сената лучше бы розог им давал почаще.

– Так чего же мы в Ливен идем, ваше величество? К океану нужно и карать, карать!

Де Шермон рубанул воздух рукой, лошадь дернула, ее пришлось успокаивать.

– Я вас понимаю, граф, но сейчас нам нужно утвердиться в Ливене, а может быть, и южнее, рыбоеды же никуда от нас не денутся. Придет время, и там наведем порядок, пока же – некому.

Они помолчали.

– Что думаете о дистанцерии, граф?

– По слухам, дистандер может собрать сто тысяч солдат.

– Да, и это похоже на правду. Но в основном это ополчение и всякий сброд из степей, если выставить пятьдесят тысяч солдат, обученных, как гвардейцы Ангулемского, сто тысяч дистандера не станут нам помехой.

– Тут я с вами согласен, ваше величество, но на обучение нужно два-три года. И еще...

– Что еще?

– У дистандера много врагов. Если его земли попадут под власть вашего величества, вместе с землями вы получите и его врагов. Так что, готовясь к войне с дистандером, нужно иметь войско, способное сокрушить не только его, но также и его противников.

– Вместе с купленной собакой новый хозяин наследует и блох...

– Именно так, ваше величество.

Они постояли на склоне еще немного.

– Эй, а дождь-то прекратился! – заметил король и, сдернув перчатку, подставил для проверки ладонь.

Де Шермон снял шляпу и посмотрел на небо. Тучи расходились.

– Хороший знак, ваше величество.

– Да, Ливен приветствует меня солнечным светом. Вот и чудесно, а то я думал, мы войдем в город, как раскисшие башмаки. Ну что, будем ждать войско или пойдем посольством?

– Да какое же из нас двоих посольство, ваше величество? Это как-то... не очень представительно. Вы же все-таки Филипп Бесстрашный Рембург.

– Зовите баронов, с ними нас будет больше, а рост Лейдорфа сделает наше посольство достаточно представительным.

– Как скажете, ваше величество.

Де Шермон встал в стременах и призывно помахал рукой. Троица неподвижных всадников ожила, бароны погнали коней по дороге.

– Куда мы едем, ваше величество? – еще издали крикнул Лейдорф. Обязанности телохранителя короля позволяли ему заговаривать с королем первым.

Филипп не стал кричать ему в ответ, лишь указал рукой в сторону Ливена и тронул лошадь, направляя ее к дороге.

– Но нас всего пятеро! – воскликнул Лейдорф, когда бароны почти нагнали короля и де Шермона.

– Я принял решение ехать посольством, ждать войско мне не хочется.

– Но ведь мы не сможем обеспечить вашу безопасность, ваше величество! – Огромный Лейдорф стал затравленно оглядываться, ожидая появления вражеского отряда.

– Успокойтесь, барон. Мы только взберемся на следующую горку, откуда до города уже рукой подать, и, если нам что-то не понравится, останемся там ждать авангард.

21

Спорить с королем барон не стал, терпение его величества имело пределы. Между тем тучи окончательно разошлись и солнце стало пригревать совсем по-летнему. Над дорогой поднимался пар, а в редких придорожных кустах запели птицы.

Вскоре король снял дождевую накидку и передал Лейдорфу. Сырая амуниция и одежда на всадниках стали подсыхать.

Проехав еще мили полторы, «посольство» поднялось на небольшую возвышенность, которую его величество приметил еще с холма. Отсюда открывался прекрасный вид на город Ливен с блестящими после дождя крышами домов, со шпилем ратуши и островерхой крышей Купеческого собрания.

В отличие от Харнлона облик старого Ливена не был испорчен видом многоэтажных доходных домов, а разросшиеся пригороды гармонично повторяли историческую архитектуру центра города. То тут, то там были видны строительные леса и незаконченные стены бревенчатых, а кое-где и каменных построек.

– А город растет, ваше величество, – заметил де Шермон.

– Да, он производит хорошее впечатление, – согласился король.

– А вы, ваше величество, собирались его сжечь.

– Не ехидничайте, граф. Я говорил... иносказательно.

– Там всадники, ваше величество! – воскликнул Лейдорф и выхватил из ножен меч. Его примеру последовали два других барона, однако король и де Шермон оставались спокойными.

– Их всего пятеро, они в гражданской одежде и без оружия, – сказал граф.

– А трое сзади едва держатся в седле, – добавил король. – Видимо, граф, вы оказались правы, нас здесь ждут.

– Но как они узнали о вашей победе, ваше величество? – спросил Лейдорф, не убирая меча.

– Довольно разговоров, барон, поднимите-ка лучше королевский штандарт, – приказал Филипп.

Из узкого, притороченного к седлу чехла Лейдорф проворно вытащил тонкое древко со свернутым полотнищем. Встряхнул его, и шелковый герб Рембургов заструился под солнцем на легком ветерке.

– Вот это другое дело, – удовлетворенно кивнул король. До всадников было еще ярдов двести.

– А первый-то – хорош, – сказал Филипп, комментируя посадку всадника.

– Да, опытный рубака, – согласился де Шермон, видя, как цепко держится в седле предводитель маленького отряда.

Вот он, совсем по-военному, вскинул руку, останавливая своих людей, натянул поводья и легко спрыгнул на землю. Затем выхватил из седельной сумы какой-то ларец и, не дожидаясь своих спутников, зашепшил навстречу королевской группе.

Не доходя до посольства ярдов десять, он сбросил шляпу и, держа ларец на вытянутых руках, торжественно подошел к королю.

– Ваше величество, от имени жителей города Ливена городской совет с верноподданническим почтением подносит вам ключи от города с надеждой влиться в число городов королевства Рембургского.

Что-то в лице этого немолодого, чуть седоватого человека показалось де Шермону знакомым. Между тем лицо самого короля было жестким и неприветливым. От его хорошего настроения не осталось и следа – граф был поражен такой переменой.

– Неужели ты стал бургомистром, Фрай? – спросил король, не притрагиваясь к ларцу с ключами.

– Нет, ваше величество, я всего лишь почетный гражданин Ливена и глава Купеческого собрания. Сказать по правде, бургомистр слег от нервов и теперь не может исполнять свои обязанности, поэтому ключи пришлось нести мне.

– То есть тебе неприятна эта работа, Фрай? – все тем же недовольным тоном поинтересовался король. Казалось, он ищет повода наказать парламентаря, однако де Шермон не заметил в глазах того и тени страха, может, лишь чуточку беспокойства.

Впрочем, в столь достойном поведении этого человека не было ничего удивительного, учитывая, что это был тот самый Фрай, бывший блистательный шпион герцога Ангулемского, его «длинная рука», и... отец юной воительницы Евы. Теперь для де Шермона и это имело значение.

– Напротив, ваше величество, я поспешил к вам навстречу с радостью, поскольку уверен, что под знаменем Рембургов город обретет покой и безопасность, чего во время правления нового герцога нам очень не хватало.

– Чем же был плох новый герцог? – усмехнулся король.

– Возможно, он и не был плох, ваше величество, однако он был чужеземцем.

– Мне взять ключи, ваше величество? – неожиданно вмешался де Шермон. Только он мог позволить себе подобную бестактность, ведь ключи полагалось принимать самому главному в посольстве.

Филипп бросил на графа яростный взгляд, однако сдержал себя и, церемонно взяв у парламентаря ларец, передал его де Шермону со словами:

– Конечно, мой друг, возьмите.

Отдав ларец, парламентарь посторонился, давая посольству возможность двинуться к городу, однако король не спешил.

Похлопав свою лошадь по шее, он взглянул на Фрая уже без прежнего ожесточения и сказал:

– Я пока не решил, что сделать с твоим городом, Фрай, возможно, я решу разорить его и сжечь дотла. Что ты на это скажешь?

– В моем положении советовать вашему величеству неловко, однако смею заметить, что три года назад город платил в казну герцога Ангулемского сорок тысяч дукатов, а в этом, думаю, наберутся все пятьдесят...

– Ого! – не удержался от возгласа рослый Лейдорф. Король через плечо недовольно на него покосился, а де Шермон спрятал улыбку. Филипп хотел напугать парламентаря, однако сам оказался поражен услышанной новостью.

Огромный Харнлон в лучшие годы набирал восемьдесят тысяч дукатов, а Ливен – почти втрое меньший – пятьдесят! Было от чего удивляться!

– А чем же ты объяснишь... э-э... такой рост фискального золота, Фрай? – спросил король уже совершенно иным тоном. В его планах молодого завоевателя деньги играли большую роль. – Сколько налогов платят ваши купцы?

– Каждую пятую меру, ваше величество.

– Но ведь это совсем немного! – удивился король.

– В этом все и дело, ваше величество. Чем меньше налог, тем больше приток капитала. Не так давно на реке стояли всего четыре фабрики, а теперь они вытянулись на целую милю. У нас много приезжих купцов, которые устремляются сюда из краев, где платили налогов в две, а то и в три пятых.

– Постой, но это же необъяснимо! – Король обратился за поддержкой к де Шермону. – Налоги ниже, а золота получается больше! Как такое возможно?

– Да, господин Фрай, мы не торговцы и в ваших расчетах мало понимаем, не могли бы вы привести нам какую-нибудь простую аллегорию?

– Да, аллегорию! – обрадовался король. – Простую аллегорию.

– Аллегорию?

Парламентер на мгновение задумался.

– Ваше величество, если вас не обидит, я бы мог привести аллегорию со стадом овец, – сказал он.

Филипп посмотрел на де Шермона.

– Нет, думаю, такая аллегория короля не обидит, – сказал граф.

– Давайте свою аллегорию, Фрай, – согласился король, незаметно для себя начав обращаться к парламентеру более уважительно.

– Аллегория такая, ваше величество: имеется стадо овец, с которых хозяин состригает шерсть.

– Шерсть нужна для валяния сукна, я знаю! – сообщил король.

– Прекрасно, ваше величество. Так вот, шерсти можно снимать много, овцы будут мерзнуть и приносить, скажем, по одному ягненку на овцу. Но если шерсти снимать меньше, овцы будут хорошо переживать зиму, каждая овца станет приносить по два ягненка, и стадо начнет быстрее расти, а с ним количество снимаемой шерсти.

Де Шермон сидел в седле и чувствовал себя тупицей – он ничего не понял. Не понял аллегории и король, а о баронах и вовсе говорить было нечего. Очень кстати графу вспомнилась юная воительница Ева, учившая цифирь, углы и теоремы.

– Ну думаю, в общем нам понятно, да, ваше величество?

– Да, в общем понятно... – неуверенно закивал король.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.